

Журнал выходит 4 раза в год.

Адреса электронной почты редакторов *AI*:

И. В. Герасимов (Отв. Ред.): office@abimperio.net

С. В. Глебов (США и Канада): ai_us@abimperio.net

А. П. Каплуновский (Западная Европа): akapluno@yahoo.de

М. Б. Могильнер (Россия и СНГ): marina@abimperio.net

А. М. Семенов (Центральная и Восточная Европа): semyonov@abimperio.net

Почтовый адрес редакции:

И. В. Герасимов, *Ab Imperio*

420015 г. Казань, А/Я 157

Электронная страница журнала <http://abimperio.net>

© *Ab Imperio* и авторы статей и иных опубликованных материалов, 2015.

Материалы журнала рецензируются в **Scopus**, **Historical Abstracts** и

American Bibliography of Slavic and East European Studies.

Ab Imperio включен в Российский индекс научного цитирования (**РИНЦ**) и

имеет индекс **INT1** в European Reference Index for the Humanities (**ERIH**).

Номер издан при финансовой поддержке

фондов Института открытого общества

По поводу подписки на *AI* обращайтесь в редакцию.

ISSN: 2166-4072 (print)

ISSN: 2164-9731 (online)

ISBN: 978-5-89423-110-5

The journal is published four times a year.

Ab Imperio is an affiliated journal

of the **Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies**

Electronic addresses for editorial correspondence:

Dr. Ilya Gerasimov (Executive Editor): office@abimperio.net

Dr. Serguei Glebov (USA and Canada): ai_us@abimperio.net

Dr. Alexander Kaplunovski (Western Europe): akapluno@yahoo.de

Dr. Marina Mogilner (Russia and NIS): marina@abimperio.net

Dr. Alexander Semyonov (Central and Eastern Europe): semyonov@abimperio.net

Postal address:

Dr. Ilya Gerasimov, *Ab Imperio*

P.O. Box 157, Kazan 420015 Russia

Please visit the *Ab Imperio* Home Page at <http://abimperio.net>

Each contribution copyright © 2015 *Ab Imperio* and its author. All rights reserved.

Articles appearing in this journal are abstracted and indexed in **Historical Abstracts**,

Scopus, and **American Bibliography of Slavic and East European Studies**.

Ab Imperio is rated **INT1** in the European Reference Index for the Humanities

(**ERIH**) and included into the **Russian Science Citation Index**.

AI is also available online through **Project MUSE** and

Historical Abstracts with Full Text.

Production of this issue is supported in part
by a grant from the **Open Society Foundations**

Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space

AB IMPERIO

Исследования по новой имперской истории и национализму
в постсоветском пространстве

РЕДАКЦИЯ EDITORS

Илья В. ГЕРАСИМОВ

Сергей В. ГЛЕБОВ

Александр П. КАПЛУНОВСКИЙ

Марина Б. МОГИЛЬНЕР

Александр М. СЕМЕНОВ

Ilya V. GERASIMOV

Serguei V. GLEBOV

Alexander P. KAPLUNOVSKI

Marina B. MOGILNER

Alexander M. SEMYONOV

Литплавка и корректура

Мария НОВАК

Инна ХАРИТОНОВА

Тереза М. МАЛХАМИ

Style Editing and Proofreading

Maria NOVAK

Inna KHARITONOVA

Therese M. MALHAME

1/2015

www.abimperio.net

Идея Аллы Зейде
The initial idea of Alla Zeide

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

EDITORIAL BOARD

- Борис АНАНЬИЧ** (Санкт-Петербургский Институт
российской истории РАН, Россия)
- Jörg BABEROWSKI** (Humboldt University, Germany)
- Seymour BECKER** (Rutgers University, USA)
- Rogers BRUBAKER** (UCLA, USA)
- Mark von HAGEN** (University of Arizona, USA)
- Geoffrey HOSKING** (University of London, UK)
- Miroslav HROCH** (Charles University, Czech Republic)
- Ярослав ГРИЦАК** (Інститут історичних досліджень Львівського
національного університету імені Івана Франка, Україна)
- Peter GATRELL** (University of Manchester, UK)
- Искандер ГИЛЯЗОВ** (Казанский федеральный университет, Россия)
- Andreas KAPPELER** (University of Vienna, Austria)
- Maria KOVACS** (CEU, Hungary)
- Jan KUSBER** (Mainz University, Germany)
- Dieter LANGEWIESCHE** (Tübingen University, Germany)
- Kimitaka MATSUZATO** (The University of Tokyo, Japan)
- Alfred RIEBER** (CEU, Hungary)
- William ROSENBERG** (University of Michigan, USA)
- Darius STALIŪNAS** (Institute of Lithuanian History, Vilnius, Lithuania)
- Yuri SLEZKINE** (University of California at Berkeley, USA)
- Ronald SUNY** (University of Michigan, USA)
- Richard WORTMAN** (Columbia University, USA)
- Serhy YEKELCHYK** (University of Victoria, Canada)

Volodymyr MASLIICHUK, Candidate of Sciences in History, Executive Editor, Web Portal historians.in.ua, Kharkov, Ukraine. masliychuk@gmail.com

Olga MASTIANICA, Ph.D. in History, Research Fellow, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. mastianica@gmail.com

Anna MATOCHKINA, Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Lecturer, Chair for Oriental Philosophy and Cultural Studies, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia. annamatochkina@yandex.ru

Zita MEDIŠAUSKIENĖ, Dr. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. zita.medisauskiene@gmail.com

Alexandr OSIPIAN, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for History and Cultural Studies, Kramatorsk Institute of Economics and Humanities, Kramatorsk, Ukraine. agricolae_ua@yahoo.com

Madeleine REEVES, Ph.D., Lecturer in Social Anthropology, Department of Social Anthropology, The University of Manchester, UK. Madeleine.Reeves@manchester.ac.uk

Sebastian RIMESTAD, Ph.D., Research Fellow, Chair of Orthodox Christianity, Faculty of Philosophy, University of Erfurt, Germany. sebastian.rimestad@uni-erfurt.de

Dmitry SHEVCHUK, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, The National University of Ostroh Academy, Ostroh, Ukraine. dshevchuk@gmail.com

Darius STALIŪNAS, Ph.D. in History, Research Fellow, Deputy Director, Lithuanian Institute of History, Vilnius, Lithuania. staliun@takas.lt

Andrey TUTORSKIY, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Chair for Ethnology, History Department, Moscow State University, Moscow, Russia. tutorski@mail.ru

Josephine von ZITZEWITZ, Ph.D., Research Fellow, Department of Slavonic Studies, University of Cambridge, UK. jhfv2@cam.ac.uk

Serhy YEKELCHYK, Associate Professor, Department of History, University of Victoria, Victoria, Canada. serhy@uvic.ca

Larissa ZAKHAROVA, Ph.D., Associate Professor, School for Advanced Studies in the Social Sciences, Paris, France. larisazakharova@gmail.com

Andriy ZAYARNYUK, Assistant Professor, Department of History, the University of Winnipeg, Manitoba, Canada. a.zayarnyuk@uwinnipeg.ca

Ольга МАСТЯНИЦА

**ПРОИЗВОДСТВО И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
“СВОЕГО” ПРОСТРАНСТВА
БЕЛАРУСКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЕМ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА***

І спытаюцца нас:
Скуль, якога вы роду?
Дзе земля ваша будзе,
Дзе айчызна у вас?

Янка Купала. Як спытаюцца нас, 1911.

Несомненным является тот факт, что интерес белоруских и зарубежных исследователей к проблематике формирования современной

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Института истории Литвы “Ментальные карты и национальное культурное пространство: случай Литвы” (*Mentaliniai žemėlapiai ir nacionalinė erdvėkūra: Lietuvos atvejis*) (VP1-3.1-ŠMM-07-K-03-005). Проект финансируется Программой развития человеческих ресурсов Европейского социального фонда, инструмент “Поддержка научной деятельности ученых и других исследователей (Общественная дотация)” 3-го приоритета программы “Развитие способностей исследователей”. Автор выражает признательность анонимным рецензентам *Ab Imperio* за комментарии и рекомендации.

беларуской нации в последние годы заметно возрос. Большинство работ констатируют запоздалость процесса беларуского нациестроительства, объясняя это целым рядом причин: от особенностей развития социальной мобильности до политики государственных властей Российской империи. Научная литература, посвященная этой теме, интернациональна. Она включает исследования чешского историка Мирослава Гроха,¹ польского социолога Ришарда Радика,² беларуских исследователей Павла Терешковича³ и Сергея Токтя,⁴ а также некоторых американских и немецких историков,⁵ однако их работы крайне фрагментарно затрагивают пространственный аспект формирования беларуской национальной самоидентичности, т. е. тему производства и репрезентации “своего” пространства беларуским национальным движением.

Так, Ришард Радик утверждал, что отсутствие общего названия (эндоэтнонима) всех беларусов на протяжении XIX в. свидетельствовало о неразвитости коллективного этнического самосознания. Беларусы, по его мнению, являлись типичной этнической группой, члены которой воспринимали себя лишь на уровне локальных общин и были не способны к более широким идеологическим манипуляци-

¹ Мирослав Грох. Нацыі як прадукт сацыяльнай камунікацыі? (да праблемы параўнання чэшскай і беларускай “мадэлей” нацыянальнага Адраджэння) // Гістарычны альманах. 2006. Т. 12. С. 5-21.

² Ryszard Radzik. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.

³ Павел Терешкович. Этническая история Белорусы XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы. Минск, 2004.

⁴ Сяргей Токць. Беларускі нацыянальны рух XIX – пачатку XX ст. у кантэксце нацыянальных рухаў народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы // Нацыянальныя пытанні. Матэрыялы Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура у дыялогу цывілізацый”. Мінск, 2001. С. 68-76; Idem. Праблемы даследавання працэсаў фарміравання сучаснай беларускай нацыі // Гістарычны альманах. 2001. Т. 4. С. 58-65.

⁵ A. Sahn. Politische Konstruktionsversuche weißrussischer Identität. Zur Bedeutung des Rückgriffs auf Geschichte für die unabgeschlossene Nationsbildung // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd 42. H. 4. S. 541-561; R. A. Mark. Die nationale Bewegung der Weissrussen im 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1994. Bd 42. H. 4. S. 493-509; R. A. Mark. Eine verspätete Nation? Anfänge weißrussischer Identitätsfindung im ausgehenden Zarenreich // Ein weißer Fleck in Europa... Die Imagination der Belarus als Kontaktzone zwischen Ost und West. Bielefeld, 2011. S. 139-150; Per Anders Rudling. The Rise and the Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburgh, 2015; N. P. Vakar. Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge, MA, 1956. Pp. 75-92.

ям, характеризующим нацию.⁶ Валерий Булгаков, чьи исследования вызвали немало критики, объяснял запаздывание белорусского нацистроительства тем, что представления об историческом регионе Беларусь были “сконструированы” лишь во второй половине XIX в., и в основном в кругу деятелей российской науки.⁷ В свою очередь, белорусский антрополог Павел Терешкович, проанализировавший уровень грамотности населения так называемого Северо-Западного края, выделил территориальное ядро, в котором имелись основания для национальной консолидации.⁸ Мирослав Грох, известный специалист в области формирования современных наций в Восточной и Юго-Восточной Европе, заметил, что белорусские национальные активисты не могли привязать свою агитацию к какой-либо исторической или государственной целостности, а их попытки использовать идею средневекового литовского государства оказались “неуспешным и бесцельным” мифотворчеством, которое лишь тормозило развитие белорусского нацистроительства.⁹ Американский историк Тимоти Снайдер в одной из своих работ также утверждал, что идея возрождения Великого княжества Литовского (ВКЛ) представляла одну из приоритетных задач белорусского национального движения, в то время как конструированием национальной территории Беларуси на основе этнолингвистических или этнографических параметров белорусская интеллигенция занялась лишь накануне Первой мировой войны.¹⁰

На фоне этих устоявшихся подходов в новейшей белорусской историографии происходит “топографический поворот”, в рамках которого представления о территории выдвигаются как особый предмет изучения. Родоначальником этого поворота можно считать Алесь Белого, который проследил эволюцию термина “Белая Русь” в системе географических знаний XIII–XVIII столетий. Из общего контекста белорусской историографии эта работа выделяется не только исследовательским фокусом, но и методологическим подходом, основанным на имагологии и метагеографии.¹¹ Своего рода хронологическим продолжением исследований Белого стали работы Сергея Токтя и Сергея Хомича.

⁶ Radzik. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. S. 209.

⁷ Валерий Булгаков. История белорусского национализма. Вильнюс, 2006. С. 303.

⁸ Терешкович. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. С. 178.

⁹ Грох. Нацыі як прадукт сацыяльнай камунікацыі? С. 6.

¹⁰ Tymothy Snyder. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. London, 2003. Pp. 41–44.

¹¹ Алесь Белы. Хроніка Беларускай Імагалогіі XII–XVIII ст. Смоленск, 2013.

Изучив различные по содержанию и жанру источники на русском и польском языках, Токть проследил смену подходов к определению территории Беларуси на протяжении XIX в. При этом он поставил вопрос о том, как существующие статистические данные и этнографические карты могли влиять на процесс формирования белорусского национального самосознания.¹² В обширном исследовании “Территория и государственные границы Беларуси в XX веке” Сергей Хомич подошел к проблеме белорусского территориального воображения иначе, изучив политические силы, вовлеченные в процесс формирования государственных границ, и оценив степень их влиятельности, их мотивы и воздействовавшие на них внешние факторы.¹³ Политическая тенденция, характерная для работы Хомича, встречается и в исследованиях других белорусских и зарубежных историков. Как правило, отправной точкой этих исследований является Первая мировая война, когда вопрос о территории Беларуси нашел выход в сферу прикладной политики.¹⁴

Другое направление, в рамках которого осуществляется “пространственный поворот”, – это исследования белорусского национального движения начала XX в., в частности социал-демократических дискуссий 1905–1907 гг. о политическом будущем Беларуси и ее терри-

¹² Сергей Токть. Беларусь и белорусы: формирование воображаемого сообщества // А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токть. Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс, 2011. С. 108.

¹³ Сергей Хомич. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному. Минск, 2011.

¹⁴ Отдельно следует выделить несколько работ, в которых рассматривались изменения территории Беларуси посредством различного рода карт. Например: Е. Ширяев. Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991; Л. Казлоў, А. Цітоў. Беларусь на сямі рубяжах. Менск, 1993; Д. Міхалюк. Ад моўнай мяжы да дзяржаўнай: этнічныя мапы Беларусі XIX і пачатку XX стагоддзяў // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзяненне і ўзае мапа ўлывы. Гомель, 2006. С. 74-89. Также следует выделить несколько работ, в которых отдельно рассматривался вопрос границ Белорусской народной республики: Т. Павлова. К вопросу о границах БНР // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 1. С. 77-81; В. Мазец. Грамадзянства і межы БНР // *Białoruskie zeszyty historyczne*. 2001. No. 15. S. 96-100; У. Ладысеў, П. Брыгадзін. Паміж Усходам і Захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэланасці Беларусі. Мінск, 2003; А. Ціхаміраў. “Віленскае пытанне” ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2002. № 3. С. 37-45; В. А. Круталевич. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1920 гг.). Минск, 1999; D. Michaluk. *Białoruska republika ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości*. Toruń, 2010.

ториальной целостности.¹⁵ В свою очередь исследования белорусского историка Алеся Смоленчука позволили ответить на вопрос, почему белорусская интеллигенция в начале XX в. активно придерживалась “краевой” идеологии.¹⁶ Систематическое изучение Андреем Унучаком теоретической и практической платформы белорусского периодического издания “Наша Нива” (1907–1915)¹⁷ показало, какого рода задачи волновали белорусскую интеллигенцию в первую очередь и как общий контекст развития белорусской национальной идеи мог влиять на представления о “своем” пространстве.

В статье делается попытка реконструкции представлений о территории Беларуси и ее границах посредством изучения дискурсивных практик белорусского национализма начала XX в. Развитие белорусского национального движения проходило в несколько этапов,¹⁸ и в этой статье особое внимание уделяется этапу с 1905 г. до начала Первой мировой войны, когда белорусская интеллигенция обрела большие теоретические, отчасти практические возможности разрабатывать, развивать и внедрять соответствующие представления о территории Беларуси в рамках формирования национальной самоидентичности. В годы Первой мировой войны, когда вопрос государственно-территориального устройства стал особенно актуален для многих национальных движений, в том числе белорусского; представления о “своей” территории оказались важным компонентом политического противостояния.

В исследовании представлений о территории Беларуси начала XX в. я опираюсь не только на тексты политического характера того времени,

¹⁵ Узаемападчыненніі ППС зь беларускім рэвалюцыйным рухам у 1902–1906 гадох // Ю. Туронак. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня [Вильнюс], 2008. С. 61-65; А. Сідарэвіч. Да гісторыі Беларускай Сацыялістычнай Грамады: агляд крыніцаў // *Arche*. 2006. № 5. С. 221-223; D. Michaluk. Baltarusiai-socialistai revoliucionieriai – baltarusių tautinio judėjimo šaknys // *Acta humanitarica universitatis Saulensis. Mokslo darbai*. 2011. T. 12 [Nuo atgimimo iki valstybingumo: sociokultūriniai aspektai]. Šiauliai, 2011. Pp. 155-170.

¹⁶ Алясь Смалянчук. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917 г. Санкт-Пецярбург, 2004.

¹⁷ Андрей Унучак. “Наша Нива” і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.), Мінск, 2006.

¹⁸ Подр. см.: А. Каўка, Беларускі нацыянальна-вызваленчы рух // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Мінск, 1993. Т. 1. С. 445; С. Токць. Праблемы перыядызацыі беларускага нацыянальнага руху 19 – пачатку 20 ст. // *Гістарычны альманах*. 2002. Т. 7. С. 187-191; З. Шыбека. Нацыянальная мадэрнізацыя 19–20 стагоддзяў і яе асноўныя этапы // *Гістарычны альманах*. 2002. Т. 7. С. 48-59; А. Смалянчук. Беларускі нацыянальны рух. <http://kamunikat.org/7988.html>.

но и на источники иного рода – статьи немногочисленных белорусских периодических изданий, художественную литературу и учебный материал, рассчитанный на национализацию широких масс населения. В статье рассматриваются следующие вопросы: какие представления о территории Беларуси разрабатывались в политических программах белорусского национального движения до начала Первой мировой войны; каким образом определялась территория Беларуси и Литвы, особенно когда речь шла о создании общей политической единицы; какие критерии использовали при определении “национальной” территории; использовались ли пространственные аргументы для национализации масс? Наконец, статья ставит вопрос о том, следует ли, как это часто происходит, отождествлять содержащуюся в политических программах белорусского национального движения идею возрождения ВКЛ с представлениями о своей “национальной” территории.

Территория Беларуси в политических программах

Первые попытки публичного обсуждения проблемы территории Беларуси и ее границ были тесно связаны с идеей территориального возрождения ВКЛ.¹⁹ Как позднее утверждал один из лидеров белорусского национального движения Антон Луцкевич (*Антон Луцкевіч*), “поиск опоры у соседей – без Москвы характеризует всю политическую деятельность белорусов с 1905 года”.²⁰ Уже на Женевской конференции в апреле 1905 г.²¹ Белорусская социалистическая громада (далее – БСГ²²)

¹⁹ Отдельно следует упомянуть белорусских народников, которые в периодическом издании “Гомон” также обращались к наследию ВКЛ как основе будущего государственно-территориального устройства Беларуси. Подр. см.: Radzik. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. S. 292-307.

²⁰ “...шуканне апоры ў суседзяў – без Маскоў шчыны характэрнызе ўсю палітычную работу беларусаў ад 1905 году” Антон Луцкевіч. Палітычныя лозунгі беларускага руху // Зборнік “Наша Ніва”. 1920. С. 5.

²¹ Женевская конференция собрала социалистические и социал-демократические партии Российской империи (представителей от партии социалистов революционеров, польской социалистической партии, армянской партии “Дашнакцутюн”, грузинской партии социалистов-федералистов, латышского социал-демократического союза, финской Партии активного сопротивления и Белорусской социалистической громады).

²² В белорусской историографии существуют различные мнения по поводу времени переименования образованной в ноябре 1903 года Белорусской революционной громады в Белорусскую социалистическую громаду. М. В. Біч, С. С. Рудовіч. Беларуская сацыялістычная грамада // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Мінск, 1993. Т. 1. С. 410.

выступила с общей декларацией с Польской социалистической партией (далее – ППС),²³ несмотря на обостряющиеся разногласия между ними.²⁴ Наряду с социально-экономическими проблемами, декларация затрагивала и вопрос о возможной политической автономии, которая представлялась следующим образом: “территория исторической Литвы (Литвы и Беларуси) вместе со всеми проживающими на этой территории народами должна быть выделена в отдельный политический организм”.²⁵ Правда, в декларации делалась оговорка, согласно которой окончательное решение по данному вопросу должно было приниматься на основе согласования позиций с социалистическими партиями других народов, проживающих на упомянутой территории. Представители литовской социал-демократической партии не принимали участия в конференции, да и сама конференция не могла принести ощутимых практических результатов.

Однако на последующих съездах представителей политических партий литовцев, поляков, белорусов и евреев в Вильне,²⁶ на которых также обсуждался вопрос возможной автономии,²⁷ БСГ продолжала

²³ По мнению Юрия Туронка, первые принципиальные разногласия между ППС и БСГ проявились уже в 1903 году. Часть руководства ППС довольно критично смотрела на белорусское национальное движение. Кроме того, БСГ все большее предпочтение отдавало автономии в составе Российской империи без федерации с Польшей. Более радикальной была и позиция БСГ в отношении дворянского землевладения. Летом 1904 года по инициативе ППС была создана “Сацыялістычная партыя Бelay Русі”, стремившаяся поглотить БСГ. Подр. см.: Узаемападчыненні ППС зь беларускім рэвалюцыйным рухам у 1902–1906 гадох // Туронак. Мадэрная гісторыя Беларусі. С. 61-65; М. Сташкевіч. Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў праграмах і дзейнасці палітычных партый і арганізацый у пачатку XX ст. // Гісторыя беларускай дзяржаўнасці канцы XVIII – пачатку XXI ст. Мінск, 2011. Кн. 1. С. 247-248.

²⁴ Необходимо отметить, что до этого времени БСГ еще не имела последовательной и отчетливой программы по национальному вопросу. В “Очерке программы Беларускай социалистической громады” 1903 года декларировалась лишь необходимость ликвидации самодержавия и утверждение социализма, уничтожение национального гнета и признание прав всех народов на самоопределение.

²⁵ Konferencya partyj socyjalistycznych i rewolucyjnych państwa rosyjskiego. Deklaracya PPS i BSH (W sprawie deklaracyj polit I) // *Przedświt*. 1905. № 4-5. S. 176.

²⁶ Город Вильнюс имеет несколько названий. Официальное его название было Вильна, в белорусском национальном дискурсе – Вільня, в литовском – Vilnius, в польском – Wilno. В тексте статьи используется Вильна как название имперской административной единицы. Когда цитируются источники, представляющие белорусское национальное движение, используется белорусское название города.

²⁷ Уже в конце 1904 г. на проходивших в Москве съездах был поднят вопрос о политической автономии Польши, что вызвало высокую заинтересованность польских

придерживаться идеи возрождения территориальной целостности ВКЛ. Уже первый съезд (22 апреля / 4 мая 1905 г.) автономистов обнаружил серьезные расхождения во взглядах на будущее государственно-территориальное устройство автономии, выявив среди присутствующих две концепции возможной государственности: Литвы исторической и Литвы этнографической. Участники от белорусских, польских и еврейских политических организаций, следуя исторически сложившейся традиции, понимали термин “Литва” как весь Северо-Западный край, который, по их мнению, должен был существовать в рамках единого государственного образования и в котором все народности обладали бы правом на свободное развитие национальной культуры и языка. В то же время представители литовских политических партий под термином “Литва” понимали исключительно те земли, на которых преобладало литовское (в этнолингвистическом отношении) население. Поэтому к польским и белорусским союзникам в борьбе за национальное освобождение литовские политики изначально относились с недоверием. Более того, представители литовской интеллигенции высказывались в том смысле, что белорусское национальное движение довольно слабо развито и на съезде представляет интересы польского населения. Поэтому белорусы так охотно поддерживают идею автономии в границах исторической Литвы.²⁸

Такой же позиции представители литовского национального движения придерживались и во время второго (19-21 мая / 1-3 июня) съезда автономистов, представляя накануне принятые соглашения под общим названием “Требования литовцев”.²⁹ Следует отметить, что в этом программном документе депутаты некоторых литовских политических партий попытались противостоять идее автономии Литвы на исто-

и литовских демократических сил, образовавших “Вильнюсский кружок автономистов”. В этом кружке проходили бурные дискуссии о возможном будущем устройстве автономии Литвы – вопрос, который должен был разрешить общий съезд представителей различных политических партий. Подр. см.: R. Miknys. Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 3: Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia). Vilnius, 1994. Pp. 190-203.

²⁸ Iš Lietuvos inteligentų susivažiavimų nutarimų. Lietuvos atstovų susirinkimas Vilniuje // Varpas. 1905. No. 7-8. P. 73.

²⁹ Соглашения под названием “Требования литовцев” были приняты 25 марта (7 апреля) 1905 года по инициативе Литовской демократической партии. Они отражали требования представителей демократов и социал-демократов, касающиеся автономии Литвы в этнографических границах.

рической основе, выдвинув идею автономии Беларуси как отдельной территориальной единицы.³⁰ Конечно, в данном документе еще не обсуждался вопрос разграничения территорий автономной Литвы и автономной Беларуси – в тот момент идея была важнее ее детальной разработки.

Два проведенных в 1905 г. в Вильне съезда автономистов не принесли каких-либо ощутимых практических результатов.³¹ Это был лишь обмен мнениями, хотя и первый такого рода и масштаба. Однако в данном случае важно другое: насколько идея автономии Беларуси как отдельной политической и территориальной единицы казалась приемлемой и своевременной представителям белорусской социал-демократии – в то время главной силе белорусского национального движения. Как известно, в период своего становления БСГ уделяла первоочередное внимание вопросам социально-экономического, а не национального характера, и первые программные документы партии не формулировали последовательную позицию по национальному вопросу. В первой программе БСГ речь шла о “незалежной дэмакратычнай рэспубліке”,³² а в следующей – об автономии “для Беларускага края”.³³ Однако и в том и в другом случае территориальная целостность той или иной политической единицы специально не оговаривалась.

Двойственный взгляд на политическое будущее обнаруживается и в немногочисленных прокламациях БСГ, рассчитанных на более широкие слои населения.³⁴ Некоторые прокламации требовали “аўтономіі для

³⁰ Lietuvių reikalavimai // Varpas. 1905. No. 4-5. P. 73. Также см.: R. Miknys. Vilniaus autonomistai ir jų 1904–1905 m. P. 190.

³¹ В сложившейся ситуации было принято компромиссное решение: “отношения как Литвы, так и Беларуси ко всему государству, так отношения между собой автономных единиц, если таковые будут созданы, разрешит учредительное собрание представителей” созданных в Вильнюсе “от жителей Литвы и Беларуси и выбранных всеобщим равным прямым и тайным голосованием без различия пола, национальности и вероисповедания”. Созывом учредительного собрания должно было заниматься центральное бюро, в состав которого должны были входить по два представителя от четырех народов, т. е. литовцев, поляков, белорусов и евреев.

³² Сташкевіч. Пытанне беларускай дзяржаўнасці ў праграмах і дзейнасці палітычных партый і арганізацый у пачатку ХХ ст. С. 246.

³³ Праграма Беларускай Сацыялістычнай Грамады. 1906 г. // Гісторыя Беларусі канца ХVІІІ – пачатку ХХ ст. у дакументах і матэрыялах / Сост. под ред. А. Ф. Смалянчук. Вильнюс, 2007. С. 218.

³⁴ Туронек разделил известные прокламации по содержанию на четыре группы. Прокламации первой группы (“Што такое констытуцыя”, “Далоў цараву ‘думу’!”, “Царава дума”, “Товарышчы работнікі”) агитировали за конституционное устройство;

нашей Беларуси и Литвы” как общей политической единицы. В этих документах агитационного характера подчеркивалась не только общность экономических интересов, но и общее историческое наследие региона, а под термином “наш народ” подразумевались и белорусы, и евреи, и поляки, и литовцы, которые “всегда жили дружно, без конфликтов и ненависти, которые правительство стремится посеять между ними” (“жылі заўсягды дружна, без усякай сваркі і нянавісці, каторую правіцельства хочэ пасеяць між іх”).³⁵ “Сэйму”, или “канстытуцыйному сходу”, в “Вільне” ставилась задача сделать так, чтобы народы жили мирно (“каб ні водзін народ не душыў другога”).³⁶ В других прокламациях лозунг “хай жыве автономія Беларусі” и “сэйм у Вільні” не расшифровывался вовсе.³⁷ Констатировалось лишь само требование: каждый народ обязан иметь “свой сейм у сваём краі”, а краем оказывалась либо “Беларусь”,³⁸ либо “земля беларуская,”³⁹ и лишь в некоторых случаях “Белая Русь”.⁴⁰

На этом фоне агитационных документов БСГ выделяется прокламация нелегального петербургского белорусского издательства “Грамада”, в которой четко определялась территория возможной автономии Беларуси. В этой прокламации 1906 года под названием “Чы будзе для усих зямлі?” Беларусь проектировалась на “Минскую, Могилевскую, Гродненскую, большую часть Виленской, Витебской и некоторые

второй (“Першым ужыцкі зъезд”, “Братке гаспадарэ”, “Да тых мужыкоў, якія возяць дровы на Тальку і Мар’іну Горку”, “Да ўсіх работнікаў і работніц дваровых, да усіх дзравенскіх людзей туташней зямлі Беларускай”) – за аграрную программу; третьей (“Чым цар ратуецца”, “Да салдатаў”, “Братых рысьціяне”) – за общественную солидарность. Содержательную линию остальных прокламаций (“Царава жніво”, “За свабоду”, “Да ўсіх работнікаў і работніц Вялейскай бальніцы”, “Очерк программы БСГ”) определить сложно. См.: 3 гісторыі беларускага выдавецкага руху ў 1902–1905 гадах // Туронак. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільнюс, 2008. С. 53. По мнению Анатоля Сидаревича, было выпущено около 20 прокламаций, из которых известен текст только 15. А. Сідарэвіч. Да гісторыі Беларускай Сацыялістычнай Грамады: агляд крыніцаў // Arche. 2006. № 5. С. 221–223.

³⁵ Таварышы работнікі // Цетка. Выбраныя творы. Мінск, 2001. С. 231.

³⁶ Там же. С. 232.

³⁷ Там же.

³⁸ К примеру, в прокламациях “За свабоду”, “Таварышы работнікі” и др. См.: Цетка. Выбраныя творы. С. 226, 231–232.

³⁹ К примеру, в прокламациях “Першы мужыцкі зъезд”, “Да ўсіх работнікаў і работніц дваровых, да усіх дзравенскіх людзей туташней зямлі Беларускай” См: Сацыялістычны рух на Беларусі ў проклямацыях 1905 году. Менск, 1927. С. 73–74.

⁴⁰ К примеру, в прокламации “Далоў цараву ‘думу’!”. См.: Цетка. Выбраныя творы. С. 227–228.

участки Ковенской, Смоленской и Черниговской губерний”.⁴¹ В качестве центра автономной Беларуси называлась Вильна – место созыва земельного парламента (“сход выбарных – агульны для усей Беларусі – наша беларуска Дума”).⁴² И в новой программе БСГ, принятой в январе 1906 г., также выдвигалось требование “автономии Белорусского края с местным сеймом в Вильне”.⁴³

Тем не менее даже после принятия этой программы лидеры БСГ активно стремились к объединению белорусской и литовской социал-демократических партий. По словам Антона Луцкевича, они хотели создать “единую социал-демократическую партию Беларуси и Литвы с самостоятельными национальными секциями”.⁴⁴ Но если социально-экономические программы БСГ и Социал-демократической партии Литвы (далее – СПЛ) (в отличие от ППС Литвы⁴⁵) практически совпадали, то вопрос о территориальном устройстве возможной автономии стал камнем преткновения. На общем совещании в мае 1906 г. представители БСГ не могли согласиться с позицией литовских социал-демократов, “которые стремились к такой автономии ‘этнографической’ Литвы, в состав которой вошли бы белорусские части Виленской и Гродненской губерний как ‘этнографически литовские’”.⁴⁶

Очевидно, что хотя БСГ высказывалась за общую автономию для Беларуси и Литвы, эта партия имела собственные представления о “на-

⁴¹ Чы будзе для усих зямлі? На беларускую мову перэвернута з расейскай. С. 10.

⁴² Там же.

⁴³ Праграма Беларускай Сацыялістычнай Грамады. С. 218.

⁴⁴ Антон Луцкевіч. За дваццаць пяць гадоў. Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацыяў: Беларуская рэвалюцыйная грамада, Беларуская сацыялістычная грамада. Вільня [Вільнюс], 1928. С. 33.

⁴⁵ БСГ и ППС в Литве не могли найти взаимопонимания по аграрному вопросу, так как ППС выступала за сохранение дворянского землевладения.

⁴⁶ “...якіе імкнуліся да такога аўтаноміі ‘этнаграфічнае’ Литвы, каб у яе ўвайшли беларускія абшары Віленшчыны и Горадзеншчыны пад відам ‘этнаграфічна-літоўскіх’.” Луцкевіч. За дваццацьпяць гадоў. С. 34. Территориальная целостность автономной Литвы в составе четырех губерний была определена в “Меморандуме литовской депутации от 5 (18) ноября 1905 года председателю Совета Министров графу С. Ю. Витте”, в котором “литовскими в этнографическом отношении считались Виленская, Ковенская, Гродненская, часть Курляндской и Сувалкская губерний”. Кроме того, в Меморандуме нашел применение и аргумент этнического происхождения: авторы документы писали, что “беларусов следует считать славянизированными литовцами и поныне живущими в селах с литовскими названиями и литовской архитектурой”. Цит. по: E. Motieka. *Didysis Vilniaus seimas*. Vilnius, 2005. P. 274. В 1906–1907 гг. активнее всех постулат четырех губерний поддерживали именно литовские социал-демократы.

циональной” территории Беларуси, которые не совпадали с позицией литовского национального движения. Уже тогда наметилось наслоение концепций этнографической Литвы и этнографической Беларуси, которую отчетливо фиксировала литовская интеллигенция,⁴⁷ и чуть менее отчетливо – беларуская. Однако прекрасно осознавая некоторую запоздалость беларуского нацистроительства, беларуская интеллигенция не стремилась подчеркивать спорные вопросы, а, наоборот, искала поддержки у представителей других национальных движений, в первую очередь литовского. Возможно, в сложившейся ситуации лидеры беларуского национального движения считали идею возрождения ВКЛ самым приемлемым тактическим решением. Беларуское национальное движение смогло бы укрепиться в общих границах с Литвой, что, в свою очередь, не исключало дальнейшего развития идеи Беларуси как отдельной политической и территориальной единицы. По крайней мере, об этом свидетельствует упомянутая позиция представителей БСГ на общем совещании в мае 1906 г. и некоторые программные документы этого политического направления.

Как известно, идея территориального возрождения ВКЛ нашла свое отражение и в первых периодических изданиях на беларуском языке. Например, представители БСГ, которые отвечали за содержание газеты “Наша Доля” (1906), считали необходимым освещать события и иметь корреспондентов в трех регионах – Беларуси и Литве, Польше и России (“з Беларусі і Літвы”, “з Польшчы” и “па Расеі”). Такое распределение корреспонденций могло формировать соответствующие представления о территории, которую читатель должен был считать “своей”. Само собой разумеется, что наполнение этих рубрик в первую очередь зависело от сети корреспондентов газеты. В этом смысле, по отношению к беларускому национальному движению следует говорить о его довольно ограниченной “пространственной практике” (Анри Лефевр) распространения беларуской национальной идеологии.

Например, сеть корреспондентов беларуского периодического издания “Наша Ніва” (1906–1915), освещавших события под общей рубрикой “З Беларусі і Літвы”,⁴⁸ в основном охватывала

⁴⁷ Darius Staliūnas. Making a National Capital out of a Multithethnic City // *Ab Imperio*. 2014. Vol. 15. No. 1. P. 166.

⁴⁸ По подсчетам Леона Василевского, в “Нашей Ниве” было опубликовано 229 корреспонденций из Виленской губернии, 208 – из Минской, 114 – из Гродненской, 65 – из Могилевской, 27 – из Витебской, 15 – из Ковенской, 8 – из Смоленской. См.: L. Wasilewski. Litwa i Białoruś. Przeszłość – teraźniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1912. S. 281.

Виленскую,⁴⁹ Минскую⁵⁰ и Гродненскую губернии.⁵¹ Самыми немногочисленными по числу корреспондентов оставались Могилевская, Витебская, Ковенская и Смоленская губернии.⁵² Географическое распределение информационного материала “Нашей Нивы” почти полностью соответствовало географическому происхождению активных представителей белорусского национального движения в начале XX в.⁵³

Даже после неудавшегося соглашения с литовскими политическими силами в 1906 г. белорусская интеллигенция продолжала верить в продуктивность сотрудничества с ними для белорусского движения. По крайней мере, это отчетливо прослеживается в рассуждениях лидера белорусского национального движения Антона Луцкевича. В 1912 г. он объяснил, в чем состояла выгода политического союза Литвы и Беларуси. Луцкевич считал, что литовское и белорусское национальные движения находились на сходных стартовых позициях, и об угрозе со

⁴⁹ В 1910 году из Виленского уезда было 48 корреспонденций, Вилейского – 30, Ошмянского – 20, Дисненского – 9, Лидского – 8, Свенянского – 7. См.: *Naš rachunak za minuly hod* // *Наша Нива*. 1911. № 6. С. 83-84.

⁵⁰ В 1910 году из Слуцкого уезда – 39, Минского – 18, Борисовского – 9, Игуменского – 5, Мозырского – 4, Пинского – 2, Новогрудского – 2. См.: Там же. С. 83-84.

⁵¹ В 1910 году из Гродненского уезда – 27, Сокольского – 8, Белостокского – 4, Пружанского – 3, Кобринского – 2, Бельского – 2. См.: Там же. С. 83-84.

⁵² Соответственно из Могилевской губернии Оршанского уезда – 6, Горецкого – 6, Климовичского – 6, Быховского – 4, Могилевского уезда – 3, Чериковского – 1, Рогачевского – 1. Витебскую губернию представляли только два уезда – Витебский (4) и Лепельский (9). Из Ковенской губернии было только 9 корреспонденций, а из Смоленской – только две. В общей сложности по подсчетам Антона Лявицкого в “Нашей Ниве” работало 427 человек. См.: Там же. С. 83-84.

⁵³ Исследования Андрея Казакевича и Андрея Асадчего также показывают, что абсолютным лидером в этом отношении была Виленская губерния (особенно Виленский, Вилейский, Дисненский и Ошмянский уезды). По этому показателю не отставала и Минская губерния (точнее, Минский, Слуцкий и Новогрудский уезды), и почти вдвое уступала Гродненская губерния (Сокольский и Слонимский уезды). Таким образом, мы можем условно выделить общий географический центр белорусского национального движения в начале XX в., который охватывал территориальный ареал Виленского, Вилейского, Минского и Слуцкого уездов, неоднородных по религиозному и этническому составу населения. Дополнительно набор в ряды белорусского национального движения происходил в Дисненском и Ошмянском уездах Виленской губернии и в Сокольском и Слонимском уездах Гродненской губернии, а также в Новогрудском уезде Минской губернии. См.: А. Казакевіч, А. Асадчы. Пачаць пісаць па-беларуску: Рэгіянальны і сацыяльны склад беларускага адраджэння, канец XIX – пачатак XX стагоддзя // *Палітычная сфера*. 2011. № 16-17. С. 94.

стороны литовского национализма не могло быть и речи. Союз позволил бы сохранить традиционные экономические связи между регионами и получить возможность выхода к Балтийскому морю. При этом “Вильня” оставался культурным центром, способным дополнительно объединить беларусов и литовцев.⁵⁴ Более поздние издательские проекты Антона Луцкевича на русском и польском языках⁵⁵ и его активные контакты с представителями политического направления “краевцев”⁵⁶ также свидетельствуют о стремлении беларуской интеллигенции найти политических союзников в лице представителей других национальных движений.⁵⁷ Именно поэтому в “нашаніўскі перыяд” (период “Нашей Нивы”) разработка территориальных требований (в программных документах не являлась первоочередной задачей беларуского национализма. В то время беларуская интеллигенция основное внимание сосредоточила на формировании теоретической и практической базы национального движения, на “национализации” масс, а не на вопросах политического характера.

О значении термина “Литва”

Казалось бы, лидерам беларуского национального движения не было выгодно подчеркивать внутренние разграничения внутри планируемой общей автономии для “нашей Беларусі і Літвы”. Об этом говорит, в частности, одна из первых заметок “Нашей Нивы”, в которой редакция поясняла, что автор поэмы “Пан Тадеуш” Адам Мицкевич “Литвой” называл “весь наш край Беларуска-Литовский, который когда-то был независимым Великим княжеством Литовским”.⁵⁸ Уделяя особое вни-

⁵⁴ У. Ляхоўскі. Школьная адукацыя у Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918). Вильнюс, 2010. С. 33.

⁵⁵ Подр. см.: Смалянчук. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. С. 284.

⁵⁶ “Краевцы” представляли бывшую территорию ВКЛ как единый и неделимый регион. Идея политической нации была основным стержнем краевой идеологии: все, кто считает себя гражданами края, принадлежат к одной нации независимо от этнического происхождения и культурной принадлежности. Поэтому, по крайней мере в теоретическом плане, оговаривалось равенство поляков, беларусов, и литовцев (в некоторых случаях и евреев), которые обязаны трудиться во благо “края” – общей территориальной единицы со своими особенными историческими, культурными и экономическими признаками и специфической этнической структурой.

⁵⁷ Смалянчук. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. С. 284.

⁵⁸ “...uwieś nasz kraj Bielarusko-Litoŭski, katory kaliś stanawiu niezaleznae Wialikaje Kniaźestwa Litoŭskaje”. Z “Pana Tadeusza” A. Mickiewicza // Наша Нива. 1907. № 23. С. 1.

мание культурной деятельности литовского национального движения,⁵⁹ “Наша Нива” не забывала напоминать, что литовцы – это “вечные соседи (“sprawiedcznyje susiedzi”⁶⁰) и “наши родственники” (“swajaki nasze”⁶¹), с которыми белорусов соединило историческое прошлое, а возможно, и общее политическое будущее. Однако и в этом контексте можно проследить некоторые попытки белорусской интеллигенции отделить территорию, принадлежащую литовскому этносу от собственно белорусской территории.

Например, белорусский историк Вацлов Ластовский (*Вацлаў Ластоўскі*) выделял Самогитию как ядро литовской этнической территории, в котором развивалась именно литовская национальная культура. “В самом сердце Литвы – Самогитии”,⁶² писал Ластовский, отчитываясь “Нашей Ниве” об очередной выставке литовских художников. В белорусском национальном дискурсе Ковенская губерния, за некоторыми исключениями, считалась этнолингвистической литовской территорией. Это было характерно даже для публицистики главных адептов “краевой” идеологии. Например, Александр Власов (*Аляксандр Уласаў*) на страницах “Нашей Нивы” рассматривал вопросы экономического характера “в пяти губерниях нашей Беларуси да еще в Ковенской губернии”.⁶³ Власов был уверен в том, что “Ковенская губерния – литовская, кроме белорусского Новоалександровского уезда,”⁶⁴ и лишь экономически связана с территорией Беларуси.⁶⁵ Та же логика наблюдается у А. Луцкевича, который, обсуждая экономические проблемы так называемого Северо-Западного края, нередко пользовался следующей формулировкой: “в пяти белорусских и Ковенской губерниях”.⁶⁶ При этом культурные составляющие белорусской нации, к примеру уровень

⁵⁹ Подр. см.: А. Унучак. Наша Нива и белорусское национальное движение начала XX в. // *Acta humanitarica universitetatis Saulensis. Mokslo darbai*. T.12 (2011). Nuo atgimimo iki valstybingumo: sociokultūriniai aspektai. Šiauliai, 2011. P. 178.

⁶⁰ IV litoŭskaja wystauka u Wilni // *Наша Нива*. 1910. № 12. С. 189.

⁶¹ Litoŭskije hazety // *Наша Нива*. 1908. № 19. С. 5.

⁶² “U samym sercy Litwy – na źmujdzi”. Wlast [В. Ластовский]. IV litoŭskaja wystaŭka ŭ Wilni // *Наша Нива*. 1910. № 12. С. 189.

⁶³ “...u 5 hubernijach našaj Biełarusi dy ješče ŭ Kowienskaj hub.” А.У. [А. Власов]. Abarot kaptaloŭŭ Biełarusi // *Наша Нива*. 1910. № 25. С. 371.

⁶⁴ “Kowienskaja, а прыч Nowoaleksandroŭskahо biełaruskаhо pawietu, usia litoŭskaja”. А.У. [А. Власов]. Abarot chleba ŭ Biełarusi // Там же. 1911. № 34. С. 418.

⁶⁵ Там же. С. 418.

⁶⁶ “...u 5 Biełaruskich i Kowienskaj hub.” А.Н. [А. Луцкевич]. U čым bahaćcie našаhо kraju // Там же. № 2. С. 21.

грамотности, он анализировал лишь в пяти губерниях: Виленской, Витебской, Минской, Могилевской и Гродненской.⁶⁷

Культурный подход к беларускости в “Нашей Ниве” доминировал над политическим. Благодаря личным контактам между беларуской и литовской интеллигенцией⁶⁸ на страницах газеты рекламировались литовские периодические издания,⁶⁹ литовская этнографическая культура,⁷⁰ а также художественное наследие автора одного из первых учебников по истории Литвы,⁷¹ литовского поэта Майрониса (*Jonas Mačiulis / Maironis*). Майронис считал ВКЛ эксклюзивным наследием литовского национального движения, о чем недвусмысленно заявлял в учебнике и о чем “Наша Нива” умалчивала. Скорее всего, редакторы газеты не читали сам учебник, в то время литовским языком владели лишь единичные представители беларуской интеллигенции.⁷² Более того, редактор газеты Янка Купала (*Иван Луцэвіч*) интересовался преимущественно поэтическим наследием Майрониса, а приложенная к учебнику карта территории ВКЛ во времена правления Витаутаса вполне соответствовала мифологизации этого исторического периода в беларуском национальном дискурсе.⁷³

⁶⁷ А. Н-а [А. Луцкевич]. Školy i hramatnasé u Bielarusi // Там же. № 35. С. 435-436; А. Н-а [А. Луцкевич]. Našu pieresialency u Sybiry // Там же. С. 451-452.

⁶⁸ К примеру, Вацлов Ластовский был женат на литовской писательнице Марии Иванаускайте (*Marija Ivanauskaitė*) и поддерживал личные контакты с редактором литовской газеты на польском языке Мечиславасом Давайнисем-Сильвестрайтисем (*Mečislovas Davainis-Silvestraitis*). Беларуский поэт Янка Купала поддерживал активные литературные контакты с литовским поэтом и драматургом Людасом Гира (*Liudas Gira*), поэтом Адомасом Дамбраускасом (*Aleksandras Dambrauskas-Jakštas*), художником Микалоюсем Чюрленисем (*Mikalojus Čiurlionis*) и композитором Стасисом Шимкусом (*Stasys Šimkus*).

⁶⁹ Litoŭskije hazety // Наша Нива. 1908. № 19. С. 5; Litoŭskije hazety // Там же. № 20. С. 5.

⁷⁰ Litwinka u swajej nacionalnaj apratce // Там же. 1909. № 13-14. С. 192; Litoŭskaja wioska // Там же. 1911. № 31-32. С. 392.

⁷¹ Gadaŭshchuna Marienisa // Там же. 1913. № 7. С. 3.

⁷² Литовский язык учил Янка Купала, Максим Гарецкий, Павел Алексюк. Подр. см.: А. Lapinskienė, А. Maldzis. Lietuvių-baltarusių literatūriniai ryšiai. Vilnius, 1989. Рр. 68-69.

⁷³ История ВКЛ как “золотого века” Беларуси в первую очередь прослеживается в работах О. В. Турчиновича и М. В. Довнар-Запольского. Подр. см.: Р. Лінднэр. Гісторыкі і ўлада нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. Санкт-Петербург, 2003; Д. В. Карев. Белорусская и украинская историография конца XVIII – начала 20-х гг. XX в.: в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белоруссов и украинцев. Вильнюс, 2007. Наиболее полно

Несколько иное отношение к литовскому национальному движению наблюдалось в среде белорусского католического духовенства. В преддверии Первой мировой войны ему удалось объединиться на национальной основе и найти средства на первое периодическое издание под названием “*Biełarus*”, выходившее в Вильне в 1913–1915 гг.⁷⁴ Редакция этого периодического издания, в первую очередь ксендзы Антон Бычковский, Франциск Будька, Болеслав Почепка и Александр Астратович, весьма осторожно причисляла литовское национальное движение к категории враждебно настроенных по отношению к белорусскому национальному проекту. Один из корреспондентов газеты “*Biełarus*” утверждал, что литовский национализм, так же как российский и польский, не имеет права размывать зарождающуюся белорускую национальную идентичность: “Лучше всего, если русский будет русским, поляк – поляком, литовец – литовцем, белорус – белорусом, и все будут заботиться о себе, а к соседям будут относиться справедливо и добродушно”.⁷⁵ Кроме того, накануне Первой мировой войны в среде белорусского католического духовенства делались попытки разграничить Ковенскую губернию на “беларуские” и “литовские” части, и все более отчетливо формулировались национальные претензии на “Вильню”.

Так, один из корреспондентов газеты “*Biełarus*”, руководствуясь этнолингвистическими и этнографическими критериями, объявлял восточную часть Ковенской губернии белорусской этнической территорией. В восточной части Новоалександровского уезда, по его мнению,

эта концепция изложена в первой систематической истории Беларуси на белорусском языке Вацлова Ластовского. Автор утверждал, что во времена ВКЛ белорусский язык впервые приобрел статус государственного, а накануне подписания Люблинской унии “літоўска-беларускіе” представители дворянства боролись за самостоятельность общего государства. См.: Власт [В. Ластовский]. Кароткая гісторыя Беларусі. Вільня [Вильнюс], 1910. Часть работы Вацлова Ластовского печаталась на страницах “Нашей Нивы”. Подобного рода тексты выходили и в периодическом издании “*Biełarus*”. К примеру, J. Rataj. U wahoni // *Biełarus*. 1913. № 30. С. 2; R. Klonowicz. Nowaja pucina // *Biełarus*. 1914. № 6. С. 2. Та же мысль была выражена в поэтических произведениях кс. Аляксандра Астратовича. См.: А. Ziaziulia. Z rodnaha zahonu. Zbornik wierszau. Wilnia [Вильнюс], 1931. С. 48.

⁷⁴ Подр. см.: А. Станкевіч. З Богам да Беларусі. Збор твораў. Вільня [Вильнюс], 2008. С. 483-489.

⁷⁵ “A najlepiej, kali rasejecz budzie sabie rasejcam, palak – palakam, litwin – litwinam, biełarus – biełarusam, ale use budú pilnawać siebie i swaich, a da susiedział budú sprawiedliwymi i zyczliwymi.” А-нак. Jeszcze – chto Biełarus // *Biełarus*. 1914. № 11-12. С. 2.

“беларусов узнает каждый по их разговору, фамилиям и по названию деревень”.⁷⁶ В преддверии Первой мировой войны редакция газеты утверждала, что “при дворе литовских князей в Вильне говорили именно на белорусском языке”,⁷⁷ так как “по сравнению с беларусами, литовцев в Вильне была горсточка”.⁷⁸ Кроме того, редакция считала необходимым сделать Острую Брам в Вильно местом паломничества, где беларусы на своем родном языке могли бы произнести: “Witaj Maryja – Malisia za nas!”⁷⁹

Варианты представлений о “национальной” территории Беларуси

В “нашаніўскі перыяд” идеологи белорусского национального движения начали работать с пространством как категорией национальной идентичности (наряду с языком и этническим происхождением). Янка Купала, Якуб Колас (*Канстанцін Міцкевіч*), Цетка (*Алаіза Пашкевіч*), Максим Богданович, Андрей Зязюля (*Аляксандр Астравовіч*) в своих литературных произведениях обращались к примордиальной идее “своего” пространства, сравнивая “родину” с “матерью” и “домом” и представляя ее как нечто индивидуальное, незыблемое, переходящее из поколения в поколение и необходимое каждому, говорящему на белорусском языке.⁸⁰ В то же время, особенно в творчестве Янки Купалы,

⁷⁶ “...bielarusaiŭsiaki paznaić pa ichniaj haworecy, pa prozwiszczach i pa nazwańniach ichnych wiosak” В. Л. Z Kowieńszczyzny // *Biełarus*. 1914. № 23. С. 4-5. Возможно, более отчетливо очертить белорусские “территории в Ковенской губернии редакцию “*Biełarus*” подтолкнула позиция нового епископа Самогитской (Тельшевской) епархии Франциска Каревичуса, который перед Первой мировой войной, на встрече с кардиналом Рафаэлем Мэрри де Валли поднял вопрос о введении белорусского языка в дополнительное богослужение. Кроме того, после упомянутой встречи епископ предложил католическому обществу св. Казимира в Каунасе издавать книги на белорусском языке (латинским шрифтом и кириллицей). Подр. см.: V. Merkys. *Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m.* Vilnius, 2006. P. 304.

⁷⁷ “...přy dware Litoŭskich kniazioŭ ŭ Wilni uzo nijak ni hawaryli jak jano pa biełarusku”. R. Klonowicz. *Nowaja pucina* // *Biełarus*. 1914. № 6. С. 2.

⁷⁸ “Wilnie Litwinoŭ prociŭ Biełarusaiŭ była ano małaja horstka”. Там же.

⁷⁹ *Piešnia da Matki Boskaj na miesiac maj* // *Biełarus*. 1914. № 18. С. 1. Молитва к Божьей матери в Острой Броне была опубликована и в сборнике стихотворений кс. Аляксандра Астравовича (Андрей Зязюля). А. Ziaziulia. *Z rodnaha zahonu (Malitwa da M. B. Wostrabramskaj)*. С. 31-32.

⁸⁰ К примеру, в стихотворении Цетки “Нямаш, але будзе”, Зязюли “*Piešnia Biełarusi*”, Янки Купалы “Гета крык, што живе Беларусь”, “Я ад вас далека”.

“родина” все чаще называлась “Беларусью”: “гета крык, што жыве Беларусь!”⁸¹ В текстах Коласа, Купалы и М. Богдановича по отношению к “родине” начало применяться временное измерение не только прошлого и настоящего, но и будущего: “близок тот денек, когда станем хозяевами, станем людьми (народом. – *О.М.*) и свой край отстроим” (Купала).⁸² И тогда, как говорил Купала, придется незамедлительно ответить на вопросы: “Где Ваша земля / Где Ваша отчизна?”⁸³

Первые ответы на эти вопросы восходят к концу XVIII – первой половине XIX в. По мнению Токтя, до 1860-х гг. в сознании абсолютного большинства образованных современников термин “Беларусь” асоциировался прежде всего с Витебской и Могилевской губерниями.⁸⁴ “Разказы на белорускомъ наречіи” 1863 г. свидетельствовали о постепенной смене регионального подхода при определении территории Беларуси на языковой.⁸⁵ Свое дальнейшее развитие этот подход нашел в работах Адама Киркора⁸⁶ и, конечно же, в произведениях *spiritus movens* белорусской национальной идеи поэта и основоположников белорусской литературы Францишка Богушевича (*Францішак Багушэвіч*).

⁸¹ Это стихотворение было опубликовано уже в раннем сборнике поэзии Янки Купалы “Жалейка” (1908 г.)

⁸² “...близки той дзянйок, кали шчасна запануем, станем сами мы людзьми, и край адбудуем”. Я. Купала. Песня а песнях // Купала. Жалейка. Пецяўбург [Санкт-Петербург], 1908. С. 42. См. и сходное в содержательном плане стихотворение Янки Купалы “Маладая Беларусь” (“Занімай, Беларусь, маладая мая, свой пачэсны пасад між славянамі”). Стихотворение опубликовано в его сборнике “Шляхам жыцьця” (1913).

⁸³ “Дзе земля ваша будзе? / Дзе айчызна у вас?” Я. Купала. Як спытаюцца нас // Купала. Шляхам жыцьця. Пецяўбург [Санкт-Петербург], 1912. С. 47.

⁸⁴ Подр. см.: Токть. Беларусь и белорусы. С. 98-100. В “Нашей Ниве” было представлено и наследие Яна Баршевского, который территорию Беларуси отождествлял прежде всего с Витебской и Могилевской губерниями. R. Ziemkiewicz. Jan Barščeuški – pieršy białaruski piśmieńnik XIX staleccia // Наша Нива. 1911. № 51-52. С. 670-675.

⁸⁵ Подр. см.: Токть. Беларусь и белорусы. С. 100; Разказы на белорусскомъ наречіи // А. Латышонок. Нацыянальнасьць – Беларус. Вільня [Вильнюс], 2012. С. 475.

⁸⁶ Адам Киркор расчертил Виленскую, Ковенскую и Сувалкскую губернии на белорусские и литовские части, руководствуясь языковым критерием, этнографическими и историческими данными, а также семиотикой географических названий. Об этом сообщалось и в “Нашей Ниве”. См.: R. Ziemkiewicz. Adam Honoru Kirkor. Biografično bibliografičny narys u 25 letniuju hadauščynu śmierci // Наша Нива. 1911. № 49. С. 633. Подр. см.: Z. Medišauskienė. Adomas Honorijus Kirkoras: tarp Lietuvos, Lenkijos ir Baltarusijos // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 8: Asmuo tarp tautos ir valstybės. Vilnius, 1996. Pp. 168-193.

В 1891 г. в предисловии к сборнику стихов “Дудка беларуская”, написанном от имени Матвея Бурачка, территория Беларуси определялась по этнолингвистическому признаку. Богушевич ставил вопрос: “где ж цяпер Беларусь?” – и однозначно отвечал: “там, братцы, яна, где наша мова жывець”.⁸⁷ Конкретизировать территориальную целостность Беларуси Богушевич не спешил, удовлетворяясь ареалом функционирования беларуского языка: “ад Вільна да Мазыра, ад Вітэбска за малым не да Чарнігава”.⁸⁸

В начале XX в. беларуское национальное движение еще не спешило отказываться и от использования координат рек как “естественных границ”, определяющих контуры Беларуси. Однако и этот географический взгляд сочетался с этнолингвистическим. В предисловии к переводу поэмы Адама Мицкевича “Пан Тадеуш”, который в 1907 г. был без изменений перепечатан петербургским беларуским издательством “Загляне сонца і ў наша аконца”, территория беларускоговорящих определялась по рекам Виляя, Неман, Днепр, Березина, Двина и Свислочь.⁸⁹ Ту же концепцию обнаруживаем и в некоторой детской учебной литературе,⁹⁰ особенно в работах Ластовского.⁹¹

⁸⁷ Токць. Беларусь и белорусы. С. 102.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ “I woś ja siahońnia achwiaruju ‘Pana Tadeuša’ prybranaha u mužyckuju siermiahu, panom i prostamu narodu z nad Dniepra, Dzwiny, Bereziny, Swisłočy, Wiliji i Niomna”. Pradmowa pierekładca. Pan Tadeusz pa polsku napisau Adam Mickiewicz. Na bielaruskuju hutarku pierawiarnuu Wincuk Marcinkiewicz. Peciarburh [СПб.], 1907. P. V.

⁹⁰ По мнению Сергея Токтя, до Первой мировой войны представители беларуского национального движения делали только первые практические шаги в направлении “национализации” школьного дела. См.: С. Токць. Нацыянальныя аспекты у развіцці пачатковага школьніцтва на Гродзеншчыне у другой палове XIX ст. – пачатку XX ст. // Культура Гродзенскага рэгіону: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтночнага сумежжа. Зборнік навуковых прац. Гродна, 2001. С. 126-128. Как показывают исследования В. Ляховского, в 1906–1911 гг. действовало не более десяти беларуских начальных школ. Такие школы имелись в Игуменском уезде Минской губернии, Сенненском уезде Могилевской губернии и Лидском уезде Виленской губернии. У. Ляхоўскі. Школьная адукацыя у Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.). Вільня [Вильнюс], 2010. С. 31.

⁹¹ В 1916 году Ластовский, в отличие от Цетки и Якуба Коласа, считал необходимым ввести отдельное определение территории Беларуси: “От Двины и до Припяти / От Днепра до вод Буга / Дети одной матери живут / Беларуский живет род (Ad Dzwiny i da Prupieci, /Ad Dniepra da Buha wod /Adnej Maci żuwycь dzieci, / Bielaruski żywie rod)”. Właśc [В. Ластовский]. Pieršaja čytanka knižyca dla bielaruskich dzietak dziala nawuki čytańnia. Wilnia [Вильнюс], 1916. С. 26.

В белорусском национальном дискурсе начала XX в. эта своеобразная гидрография не только использовалась для физического определения территориальных границ Беларуси, но и являлась национальным символом. По крайней мере, в художественной литературе данного периода выделяются такие географические символы, как река Неман и Беловежская пуца. В стихотворении Купалы воспоминания о родном крае возникают в образах Беловежской пуцы и реки Неман.⁹² Если же говорить о поэтическом дискурсе начала XX в. в целом, Беловежская пуца⁹³ уступала реке Неман как главному территориальному символу, особенно в поэзии Коласа. У Коласа Неман однозначно ассоциируется со “своей” рекой, которая “проходит через край родной беларуса мужыка”.⁹⁴

Безусловно, в “нашаніўскі перыяд” беларуская интеллигенция не создала собственных картографических представлений о территории Беларуси. Однако лидер белорусского национального движения Луцкевич использовал в своей пропагандистской деятельности этнолингвистические исследования ученых Ефима Карского⁹⁵ и Митрофана Довнар-Запольского,⁹⁶ а составленная Карским в 1903 г. “Этнографи-

⁹² Купала. Я ад вас далека // Шляхам жыцця. С. 21.

⁹³ Следует заметить, что иллюстрации Беловежской пуцы не раз использовались в “Нашей Ниве”, к примеру: 1907. № 27. С. 56; 1908. № 24; 1910. № 8. С. 144. Подробнее о Беловежской пуце как месте памяти белоруского и польского национальных дискурсов см.: Thomas M. Bohn. Hiesige und Wisente. Die Beloweschskaja Puschtsha als polnischer und weissrussischer Erinnerungsort // Bunte Flecken in Weissrussland. Erinnerungsorte zwishen polnish-litauisher Union und russich-sowjetishen Imperium / Hrsg. T. H. Bohn, K. Einax, J. Mühlbauer. Wiesbaden, 2013. S. 37–45. По мнению Томаса Бона, раздел Беловежской пуцы между белоруским и польским национальными дискурсами произошел лишь в годы Второй мировой войны.

⁹⁴ “...перарэзаў край родны беларуса-мужыка”. Колас. Неман, Другое чытанне для дзяцей беларусаў. Написаў Якуб Колас. Пераглядзеў і прадмову прыпісаў Л. Сеўрух. Санкт-Петербург, 1909. С. 13. Желая “национализировать” Неман, Якуб Колас, в отличие от Янки Купалы и Винцента Дунина-Марцинкевича, не стал писать о нем как о реке, связывающей белорусские и литовские земли. Напротив, Якуб Колас разделил Неман на несколько отрезков, подчеркнув в одном из своих стихотворений: “ты цячеш, далека, знаю, у зямлю Літвы і немцоў, раскажы ж чужому краю пра жыцце тваіх сыноў”. Этот взгляд радикально отличался от символики Немана у Янки Купалы и Винцента Дунина-Марцинкевича. В их творчестве река символизировала прошлое ВКЛ, времена правления литовских князей, при которых расцвел белорусский язык и беларуская культура.

⁹⁵ Евфимий Карский (1860–1931) – академик, палеограф и этнограф, исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, древнерусской палеографии и памятников древнерусской письменности.

⁹⁶ Митрофан Довнар-Запольский (1867–1934) – историк, этнограф, фольклорист, экономист.

ческая карта белорусского племени”, основанная на изучении этнолингвистических характеристик населения и вышедшая из-под пера приверженца (по крайней мере, в то время) “западнорусизма”,⁹⁷ отвечала культурно-политическим интересам белорусской интеллигенции.

Этнолингвистические исследования Карского, проведенные в рамках имперской академической науки, представляли новые научные доказательства наличия белорусского языка, а соответственно и белорусского этноса. В качестве критерия определения границ Беларуси Карский выдвинул особенно важный для белорусского национального движения этнолингвистический признак: “основой для определения границ Белорусской области служит у нас исключительно язык”.⁹⁸ Так же как Довнар-Запольский, Карский накладывал карту белорусоязычного населения на карту исторических ареалов племен кривичей, дреговичей и радимичей, считавшихся “прародителями” белорусского народа. Кроме того, наивысший расцвет белорусского языка и белорусской национальной культуры Карский относил к временам ВКЛ, что в свою очередь способствовало мифологизации данного исторического периода в национальном дискурсе. Научные труды Карского позволяли лидерам белорусского национального движения уйти от непосредственной разработки территориального вопроса и полагаться на его этническую картографию при возникновении соответствующей политической необходимости.⁹⁹

Например, представляя в 1912 г. развитие белорусского национального движения в международном контексте, А. Луцкевич определял территорию расселения белорусоязычного населения по карте Карского¹⁰⁰ (лишь принадлежность региона Полесье интерпретировалась

⁹⁷ “Западнорусизм” – историко-идеологическое направление научной, общественно-политической жизни, возникшее в Северо-Западном крае Российской империи, основывающееся на постулате, что белорусы являются самобытной этнографической группой общерусского народа.

⁹⁸ Е. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. Вильна, 1904. С. 4.

⁹⁹ Новый этап разработки карты Карского в белорусском национальном дискурсе пришелся на годы Первой мировой войны. Карта была переосмыслена не только как указатель ареала распространения белорусского языка, но и как “Этнографическая карта Беларуси”: Etnagraficzna karta Belarusi // Наша Нива. 1915. № 11. С. 1. Подр. см: D. Michaluk. Białoruska republika ludowa 1918–1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010.

¹⁰⁰ Карта Евфима Карского фиксировала распространение белорусского языка в южной части Августовского уезда Сувалкской губернии и северной части Гродненской

196

в соответствии с исследованиями Довнар-Запольского).¹⁰¹ Однако в то же время он считал необходимым произвести внутреннее упорядочение имеющихся научных данных. Так, в общий ареал расселения белорусоязычного населения он включал лишь Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и часть Смоленской губернии, и эту территорию представил как единую белорускую территориальную целостность, которая имеет четкие границы с территориями литовцев, поляков, украинцев и великорусов. О наличии белорусов в Ковенской, Сувалкской, Курляндской, Черниговской, Орловской, Тверской и Псковской губерниях Луцкевич упоминал, не придавая, однако, этому факту политического значения.

Произведенное Луцкевичем упорядочение имеющихся научных данных повлияло на дальнейшую трактовку территориального вопроса в белорусском национальном движении. Например, в приложениях к “Нашей Ниве”, издававшихся в 1910–1916 гг. под названием “Беларускі каляндар”, имелся статистический раздел “О Беларуси” (“Аб Беларусі”). В этом разделе число белорусов указывалось на основании данных Карского для шести губерний – Могилевской, Минской, Витебской, Виленской, Гродненской и Смоленской. Именно эти губернии в данном

губернии: Гродненский, Сокольский уезды; восточная часть Белостокского, небольшая часть Бельского уезда на севере до реки Нарев без города Бельска; Волковысский, Слонимский, северная часть Пружанского уезда без Пружан; южная часть Виленского уезда с Вильнюсом; Ошмянский уезд, кроме небольшой западной части; Вилейский уезд; южная часть Свенцянского уезда без Свенцяна; Дисненский уезд; восточная часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии; Иллуктский уезд Курляндской губернии; Минская губерния, кроме южной части Мозырского уезда и большей части Пинского уезда с Пинском; вся Могилевская губерния и почти вся Витебская губерния: уезды Невельский, Себежский, Велижский, юго-восточная часть Двинского уезда; юго-восточная часть Люцынского, Городецкий, Витебский, Полоцкий, Дрисненский, Лепельский уезды. Кроме того, по исследованиям Карского, белорусоязычное население проживало в Псковской губернии, точнее Великолуцком, Торопецком уездах, в южной части Опочского уезда; в Тверской губернии, а именно в южной части Ржевского и Асташевского уездов; а также в ряде уездов Смоленской губернии, а именно в Бельском, Пареченском, Смоленском, Дрогобужском, Ельницком, Рославском и западной части Трубоческого уезда Орловской губернии; в уездах Черниговской губернии – Мглинском, Суражском, Старадубском, Навазыбковском, Городненском без восточной его части). См.: Е. Карский. Белорусы. Введение к изучению языка и народной словесности. С. 4.

¹⁰¹ Антон Новина [А. Луцкевич]. Белорусы // Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия, Россия, Германия / Под ред. А. И. Кастелянского. Санкт-Петербург, 1913. С. 385-386.

периодическом издании, рассчитанном на национализацию масс, назывались “беларускімі”.¹⁰² Численность белорусоязычного населения, вновь по данным Карского, в Ковенской, Сувалкской, Курляндской, Псковской, Тверской, Орловской и Калужской губерниях приводилась отдельно. При этом детальный анализ национального и сословного состава населения в приложениях к “Нашей Ниве” касался лишь пяти губерний – Могилевской, Минской, Виленской, Витебской и Гродненской. Аналогичное сужение ареала “беларускіх” губерний с шести до пяти, образующих целостную белорускую территорию, фиксировалось и при анализе экономической жизни “на Беларусі”.¹⁰³ Таким образом, в приложениях к “Нашей Ниве” конструировался обобщенный образ “национальной” территории Беларуси, соответствовавший либо шести, либо пяти упомянутым губерниям Российской империи (без Смоленской губернии).

Кроме того, национальное воображение начала XX в. включало представление о ядре и окраинах конструируемого региона. Ластовский впервые попытался представить территорию расселения белорусоязычного населения как “исторические земли”, что должно было свидетельствовать об обоснованности претензий на эти территории белоруского национального движения. В списке источников его “Кароткой гісторыі Беларусі” были указаны работы Карского и Довнар-Запольского, научное наследие которого особенно сильно повлияло на интерпретации Ластовского.

Довнар-Запольского можно назвать одним из родоначальников белоруской исторической географии.¹⁰⁴ Уже в одной из первых его работ – “Древняя Белоруссия, краткий географический очерк ее в IX–XII вв.” (1888) – очерчивалась территория расселения племен кривичей, дреговичей и радимичей, составивших, по мнению ученого, основу белоруского народа. “Границы эти, с незначительными изменениями, оставались в продолжение всей исторической жизни

¹⁰² Аб Беларусі // Беларускі каляндар “Нашае Нівы” на 1913 год. Вільня [Вильнюс], 1913. С. 38-39; Аб Беларусі // Беларускі каляндар “Нашае Нівы” на 1912 год. Вільня [Вильнюс], 1912. С. 36-37; Аб Беларусі // Беларускі каляндар на 1914 год. Вільня [Вильнюс], 1914. С. 36-37; Аб Беларусі // Беларускі каляндар на 1915 год. Вільня [Вильнюс], 1914. С. 36.

¹⁰³ Важнейшыя кірмашы на Беларусі // Першы беларускі каляндар “Нашае Нівы” на 1910 год. Вільня [Вильнюс], 1910. С. 16-17.

¹⁰⁴ Г. Штыхаў. Гістарычная геаграфія у працах IX–XII ст. М. В. Доўнар-Запольскага // Даследчык гісторыі трох народаў М. В. Доўнар-Запольскі (Зборнік навуковых артыкулаў і дакументаў). Гомель, Речыца, 2000. С. 206-208.

Белорусского племени и остаются до настоящего времени”, – писал Довнар-Запольский.¹⁰⁵ Границы проходили по рекам и соотносились с границами административного деления Российской империи.¹⁰⁶

Ластовский использовал не только исторический аргумент Довнар-Запольского, но и развил его географический подход в идее своего рода ядра белорусских этнических территорий, совпадающих с ареалом расселения племен кривичей.¹⁰⁷ В кривичах он видел основополагающую “государственную и культурную силу” белорусского народа. Ластовский очерчивал территорию кривичей по координатам рек (верховья реки Двины, Днепра и Березины) и населенных пунктов (города Полоцк, Борисов, Друцк, Логойск, Минск, Витебск и Смоленск).¹⁰⁸ Он даже попытался перенести название племени кривичей на всю территорию Беларуси, однако в начале века эти попытки были слишком преждевременны. Они возродились в 1924–1925 гг. и объяснялись изменившимся политическим подтекстом: “мы Кривичи, а не Литовская Русь, Варягская или Московская [Русь], Белая или Черная [Русь]”.¹⁰⁹

¹⁰⁵ М. Довнар-Запольский. *Белорусское прошлое* (Минский листок, 1888) (По поводу статей А. Пыпина, помещенных в “Вестнике Европы” прошлого года) // *Ното historicus* 2008. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. Вільня [Вильнюс], 2008. С. 308.

¹⁰⁶ По Митрофану Довнар-Запольскому, южная граница этнических территорий белорусов начиналась “почти у устьев Припяти и продолжалась по границе Вольнской губернии с Минской, юго-западная граница не доходила Дорогичина, далее направлялась к Гродно, затем переходя в Виленскую губернию, отрезывала юго-восточную часть ее южнее гор. Вильно, захватывая все верховье Вилии и переходила, наконец, к Двине, в Витебскую губернию. Рубеж, пересекающий Двину, проходил, вероятно, не далеко к северо-западу от Полоцка, по границе Полоцкого уезда с Дриссенским и Себежским. Граница, захвативши верховье реки Великой, меняла северное направление на восточное и на этом пути проходила по северной границе Витебской губернии до реки Ловати, ниже Великих Лук Новгородского города”. См.: М. Довнар-Запольский. *Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия*. Киев, 1891. С. 2-3.

¹⁰⁷ Подр. см.: В. Ластоўскі. *Кароткая гісторыя Беларусі*. С. 7; Также см.: Якога мы роду-племени // В. Ластоўскі. *Выбраныя творы*. Минск, 1997. С. 302-303. Этот текст был опубликован в периодическом издании “Лучынка” в 1914 г. Кроме того, в данном тексте была проведена проекция: “беларуский народ издавна занимает те земли, где и по сегодняшний день слышна белоруская речь”.

¹⁰⁸ В. Ластовский. *Якога мы роду-племени* // *Лучынка*. 1914. №. 2. С. 11-13.

¹⁰⁹ “...мы Крывічы, а не Русь Літоўская, Варажская ці Маскоўская, Белая ці Чорная” В. Ластовский. *Аб назовах “Крывія” і “Беларусь”* // В. Ластоўскі. *Выбраныя творы*. С. 373; А. Унучак. *Беларуская нацыянальна-дзяржаўная ідэя ў канцы XIX ст. – 1917 г.* // *На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыя графічныя здабыткі і праблемы*. Минск, 2011. С. 227-228.

В 1910 г. Ластовский лишь произвел расслоение территории бывшего ВКЛ в трех направлениях: “землі крывічанскія”, “беларускія” и “літоўска-беларускія”. Именно в такой очередности группировался иллюстративный материал “Кароткай гісторыі Беларусі”, являвшийся подспорьем к повествованию истории ВКЛ. Так, Новогрудок, по мнению Ластовского, был одним из старейших “кривичанских” городов; Давид-Городок находился в “беларуском крае”, а развалины Трокского замка – на “литовско-беларуской земле”.¹¹⁰

Современник Ластовского, лидер “краевцев” Михаил Ромер определял центральные уезды Минской губернии как один из наиболее ярких ареалов белоруской этнической культуры.¹¹¹ Природные и социальные зарисовки первых почтовых открыток петербургского издательства “Загляне сонца і ў наша аконца”, выпущенные в начале XX в., тоже концентрировались на “землях кривічей” вокруг Минска и Новогрудка.¹¹² А активный корреспондент “Нашей Нивы” Виталий Чиж (*Віталій Чыж*) фиксировал образцовые примеры белоруского женского национального

¹¹⁰ Дапіскі да рысункоў // В. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 104-105.

¹¹¹ Михаил Ромер разделил территорию бывшего ВКЛ по национально-культурному признаку на три региона: “настоящую” Литву, охватывающую Ковенскую губернию и большую часть Сувалкской губернии; Средний регион, в который, по его мнению, входила “восточная часть этнографичной Литвы, Вильнюс и так называемая католическая Белая Русь, или Литовская Русь, состоящая из Виленской губернии и северо-западной части Гродненской губернии”. По словам Михаила Ромера, в этом регионе ни одна из национальных культур не имела весомого приоритета: “это не настоящая Литва, не настоящая Польша, не настоящая Белая Русь”. Выраженное проявление белоруской национальной культуры он фиксировал только в восточных частях Виленской губернии и центральной Минщине. Третий регион Ромер однозначно называл Белой Русью – Витебская и Могилевская губернии, где доминирующее население исповедовало православие. В 1913 г. Ромер уже выделял составные части Беларуси. К примеру, он считал, что Полесье и большая часть Гродненщины сильно отличаются по этническому составу населения от северной Минщины и восточных частей Виленской губернии, а также населения Витебской и Могилевской губерний. Правда, в этих регионах Ромер выделил так называемые центры, в которых наиболее ярко проявляются этнографические признаки белорусов – Минщина и Витебская губерния (колыбель Белой Руси – Полоцкое княжество). Подр. см.: М. [M. Römer]. O kraju naszym // Kurjer krajowy. 1913. No. 50. P. 1; No. 51. P. 1; No. 54. P. 1.

¹¹² К примеру, почтовые открытки “Ščorsuny u letko”, “Ščorsuny u zimku” (деревня, расположенная на реке Неман, в 24 км от Новогрудка), “Muzyki spad Puchawič”, “Toržyšče u Puchowičach” (железнодорожная станция в городе Марьяна Горка, вблизи Минска), “Dzieučaty spad Słucka” (в 105 км от Минска), “Wiaskowaja baba z Trybuškou” (не удалось установить).

костюма, прежде всего в Слуцком и Новогрудском уездах Минской губернии.¹¹³ Так вызревала идея белорусского территориального (в том числе исторического, лингвистического, этнографического) ядра.

В работах Ластовского можно увидеть и первые попытки высказать “национальные претензии” на территории, этнический и конфессиональный состав населения которых был весьма неоднороден. Используя этнолингвистические и этнографические критерии, Ластовский стремился заявить о белорускости Гродненской губернии.¹¹⁴ В более поздних текстах, относящихся к Первой мировой войне, Ластовский сделал попытку с помощью исторических аргументов доказать и “справедливую белорускасць Горадні”,¹¹⁵ т. е. исконный белорусский характер Гродно. Как заметил Смолянчук, освещение культурной жизни города на страницах “Нашей Нивы” имело значение лишь в контексте белорусского возрождения, а редакция называла Гродно “наш город” и использовала белорусские варианты его названия.¹¹⁶

Национализация Виленской губернии и Вильно, который в белорусском национальном дискурсе также имел свое название – “Вільня”, происходила менее интенсивно и в несколько иных формах. В “нашаніўскі перыяд” белорусская интеллигенция еще не выработала четкую позицию по вопросу о том, включать ли в потенциальную “национальную” территорию Беларуси всю Виленскую губернию или только некоторую ее часть. В “Кароткай гісторыі Беларусі” “вышняя Літва” или Виленская губерния представляла как своего рода Пьемонт, куда испокон веков стекалось “беларуско-літоўскае насельне”, не согласное с политикой киевских и полоцких князей.¹¹⁷ Однако Ластовский не разграничивал Виленскую губернию¹¹⁸ на белорусскую и литовскую часть. Один из

¹¹³ А. Бульба [В.Чыж]. Колькі слоў аб дзявочай апаратцы на Беларусі. Вільня [Вильнюс], 1911.

¹¹⁴ З падарожжы па Гродзеншчыне // В. Ластоўскі. Выбраныя творы. С. 266.

¹¹⁵ J. V. [В. Ластовский]. Goraдня // Наша Нива. 1915. № 19-20. С. 20.

¹¹⁶ Подр. см.: А. Смалянчук. Горадня і гарадзенцы 1911–1915 гг. на старонках “Нашай Нивы” // Гарадзенскі палімпсест 2010. Дзяржаўныя і сацыянальныя структуры XVI–XX ст. Мінск, 2011. С. 407-422.

¹¹⁷ В. Ластоўскі. Кароткая гісторыя Беларусі. С. 11.

¹¹⁸ К примеру, по данным всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., литовский язык считало родным 17,6% жителей Виленской губернии, польский – 8,1%, белорусский – 56,4%, русский – 4,8%, идиш – 12,7% жителей губернии. В Виленской губернии на литовском говорили – 20,8% жителей, на польском – 20,3%, на белоруском – 26,1%, на русском – 10,2%, на идиш – 21,4%. В Трокском уезде литовским родным языком считали 58,4% населения, польский – 11,2%, белорусский – 15,8%, русский – 4,3%, идиш – 9,4%. В Вилейском уезде на литовском говорили –

наиболее активных корреспондентов “Нашей Нивы”, Антон Лявицкий (Ядвігін Ш.), писавший по этому вопросу, также не заявлял национальных претензий на всю Виленскую губернию. В своем очерке “Лісты з дарогі” он ссылался на этнолингвистические и этнографические критерии, обосновывавшие включение в территорию Беларуси восточной части Виленской губернии, или, точнее, восточной части Виленского уезда (без Вильны), и центральной части Ошмянского уезда. В Ошмянском уезде в особенности Лявицкий фиксировал наличие такого белорусского языка, которым “пишет и который использует сейчас ‘Наша Нива’”.¹¹⁹ По его мнению, именно в юго-восточной части Ошмянского уезда господствовал чистый и правильный белорусский язык.¹²⁰ Но белорусоязычное население, как подчеркивал Лявицкий, проживало и в окрестностях Вильны, где “всюду белорусский язык, который без надобности уродуют польским языком”,¹²¹ и в самом городе.¹²²

Как показывают исследования Смолянчука, до Первой мировой войны в белорусском национальном дискурсе еще не были ярко выражены национальные претензии на “Вильню”.¹²³ “Вільня” представлялась прежде всего как столица бывшего Великого княжества Литовского¹²⁴

0,1% жителей, на польском – 2,4%, на белоруском – 87,1%, на русском – 0,9%, на идиш – 9,4%. В Свенцяном уезде литовский родным языком считали 33,9% населения, польский – 5,9%, белорусский – 47,5%, русский – 5,4%, идиш – 7,0%. В Лидском уезде на литовском говорили – 8,7% жителей, на польском – 4,6%, на белоруском – 73,4%, на русском – 1,1%, на идиш – 11,9%. В Дисненском уезде литовский родным языком считали 0,3% населения, польский – 2,4%, белорусский – 81,2%, русский – 5,9%, идиш – 10,1%. В Ошмянском уезде на литовском говорили – 3,8% жителей, на польском – 1,7%, на белоруском – 80,1%, на русском – 2,3%, на идиш – 12,0%. См.: Z. Medišauskienė. Gyventojų skaičiaus ir struktūra. Demografinia i pokyčiai, Lietuvosistorija. T. 7. Idalis. Devynioliktasamžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius, 2011. P. 113.

¹¹⁹ “...piše i używaje ciapier ‘Naša Niwa’”. Jadwihin Š. [А. Лявицкий]. Listy z darohi // Наша Нива. 1910. № 27. С. 404.

¹²⁰ “...mowa biełaruskaja dobraja, čystaja”. Там же. № 34. С. 516.

¹²¹ “...mowa čywaś skrož biełaruskaja, i tolki nekatoryje zusim niepatrebna kalečać jaje nito polskaj”. Там же. № 23-24. С. 357.

¹²² Находясь около станции Олехновичи (Виленская губерния, Вилейский уезд), Ядвигин Ш. произносит: “а поезд идет в Вильню. В Вильню! И сразу же меня окутала такая печаль, так захотелось от всего отказаться, сесть на этот поезд и оказаться среди своих в Вильне, кажется, птицей перелетел бы туда.” Там же. № 39. С. 601.

¹²³ Смалянчук. Беларускія сімвалы Вільні // Homo historicus 2009. Гадавік антрапалагічнай гісторыі. Вільня [Вильнюс], 2010. С. 327-343.

¹²⁴ К примеру, иллюстрация в “Нашей ниве” под названием “Вільня – да у ней сталічнае места Літвы і Белай Русі” // Наша Нива. 1907. № 28. С. 1.

и будущий административный центр возможной независимой “нашей Беларуси и Литвы”. Именно в Вильне – “сердце всего нашего края” – представители белорусской интеллигенции хотели бы учредить университет, где бы преподавались история Беларуси и белорусский язык.¹²⁵ “Вильня” оказывалась символическим и географическим центром, равно близким ко всем сугубо белорусским локусам (“nedalioka iz Koŭna, iz Hrodna, iz Dźwinska i z Minska, trochi dalej z Witebska i Mahilowa”).¹²⁶ Однако эта важная часть “своего” историко-культурного ландшафта должна была остаться своей и для литовцев, поляков и евреев.¹²⁷ По мнению Смоленчука, Вильна так или иначе воспринималась как преимущественно мультикультурный феномен.¹²⁸

Для таких белорусских поэтов, как Купала, Богданович или Колас, “Вильня” обладала самостоятельной семантикой, напрямую не связанной с конкретным местом жительства белоруса. В поэме Коласа “Новая зямля”, эсхатологические коннотации которой очевидны уже в заглавии, Вильна – это место, куда стремятся белорусы в поисках новой земли, земли обетованной. Именно в Вильню как главный административный центр направляется герой поэмы дядька Антон, желая решить свои экономические и социальные проблемы, и считает необходимым взойти на Замковую гору.¹²⁹ Он размышляет, как читатели “Нашей Нивы”, приученные редакцией визуализировать город Вильна именно через образ Замковой горы.¹³⁰ Однако дядька Антон не задерживается в Вильне: “а там, за городам, так здатна ... пачулісь родныя павевыі дарагія сэрцу спевы”.¹³¹ “Вильня” в первую очередь – прошлое ВКЛ, но не белорусское настоящее.

Лишь постепенно к началу Первой мировой войны в белорусской поэзии появляются первые виленские “беларуские адреса”, свидетельствующие о желании представителей белорусской интеллигенции

¹²⁵ Wilnia 16(29) junia 1911 h. *Ab Uniwersytecie u Wilni* // Там же. 1911. № 24. С. 306.

¹²⁶ *Ab uniwersyteci u Wilni* // Там же. 1908. № 9. С. 4.

¹²⁷ Смалянюк. *Беларускія сімвалы Вільні*. С. 327-343.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ В поэме Якуба Коласа “Новая земля” были даже отдельно выделены разделы “Па дарозе у Вільню”, “Дзядзька у Вільні”, “На Замкавайгары”. Подр. о содержании поэмы см.: R. Radzik. *Nowa Ziemia – obraz społeczeństwa w poemacie Jakuba Kołosa (w kontekście Mickiewiczowskiego Pana Tadeusza)* // *Białorusini między wschodem i zachodem*. Lublin, 2012. S. 57-70.

¹³⁰ К примеру, иллюстрации “Vilnia” // *Наша Нива*. 1907. № 28. С. 1; “Horad Wilnia” // Там же. 1909. № 13/14. С. 1; “Wid Zamkowej hary u Wilni” // Там же. № 24. С. 367.

¹³¹ Я. Колас. *Новая зямля*. С. 294.

реально включиться в жизнь города. Так, Купала в одном из своих стихотворений описывает празднование в Вильне традиционного белорусского праздника – Купалья.¹³² У Богдановича белорусская “Вільня” приобретает “свое” живое пространство, “свое” время и “своих” жителей.¹³³ Постепенно белорусскими поэтическими символами становятся культовые места города – Острая Брама и костел св. Анны, где произносят свои молитвы не только представитель сановного слоя Зязюля, но и еврей по происхождению Змитрок Бядуля.¹³⁴ Именно в стихотворении Богдановича “Пагоня” (1916) герб на стенах Острой Браммы уже трактуется как символ белорусского национального возрождения.¹³⁵ В данном контексте особого внимания заслуживает и одна из последних публикаций “Нашей Нивы”, посвященная Вильне,¹³⁶ которая вышла под рубрикой “Нашы гарады”. В этом же разделе газеты чуть ранее Ластовский доказывал “справедчную беларускасць Горадні”.

* * *

Беларуское национальное движение и этнолингвистическая модель белорусской нации были типичными для Центрально-Восточной Европы. В начале XX в. на повестке дня участников движения стояли задачи теоретического и практического развития белорусской национальной идеи и национализации масс. Белорусская интеллигенция осознавала все сложности белорусского нацистроительства, поэтому особое внимание она уделяла культурной работе, а не вопросам политического характера. Союз Литвы и Беларуси в общих политических рамках виделся деятелям белорусского национального движения желаемой перспективой, создающей благоприятные возможности для культурного развития и укрепления белорусского проекта. Создание Беларуси как отдельной политической и территориальной единицы казалось задачей будущего.

Тем не менее уже в “нашаніўскі перыяд” белорусская интеллигенция демонстрирует первые попытки выделения “национальной” территории

¹³² К примеру, стихотворение Янки Купалы “Святкаванне Купалы у Вільні“, опубликованное в “Нашей Ниве” в 1912 г.

¹³³ К примеру, стихотворения Максима Богдановича “Вулкі Вільні зіяюць гулка шумяць”, “У Вільні”.

¹³⁴ К примеру, стихотворения Андрея Зязюли “Малітва да М.Б. Вастрабрамскай”, Змитрока Бядули “Касьцел Св. Ганны”, Максима Богдановича “Касьцел св. Ганны у Вільні”.

¹³⁵ М. Богдановіч. Пагоня. Мінск, 2011. С. 11.

¹³⁶ Ю. В. [В. Ластовский]. Нашы гарады. Вільня // Наша Нива. 1915. № 27. С. 3.

Беларуси, руководствуясь при этом этнолингвистическими критериями. Беларуской однозначно считалась та территория, на которой доминировало белорускоязычное население. Поэтому этнолингвистические исследования Карского были особенно востребованы белорусской интеллигенцией и активно использовались в процессе национализации масс. Общий образ национальной территории Беларуси проектировался на пять (иногда шесть) губерний Российской империи – Виленскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую (и часть Смоленской губернии). Кроме того, белорусская интеллигенция спешила доказать, что именно эти территории были белорусскими и в историческом отношении, что, в свою очередь, обосновывало претензии белорусского национального движения на эти территории.

Накануне Первой мировой войны в белорусском национальном дискурсе наблюдаются первые попытки заявить претензии на территории, население которых отличалось особенной неоднородностью своего этнического и конфессионального состава. В таких случаях при определении границ “национальной” территории все чаще использовались этнографические критерии, которые соответственно расширяли границы проектируемой Беларуси. В нее по языковому и этнографическому критериям включались части Ковенской и Гродненской губерний. Более сложная ситуация складывалась вокруг Виленской губернии и Вильна, по которым у белорусской интеллигенции отчетливой позиции не имелось. Лишь в преддверии Первой мировой войны в белорусском национальном дискурсе сформировался взгляд на “Вильню” как на административный, мультикультурный центр бывшего ВКЛ, в котором проживает и белорускоязычное население, имеющее там “свои” национальные символы и места культа, что потенциально делало территорию “Вильни” белорусской.

SUMMARY

The article reconstructs spatial thinking about Belarus as a national territory in the early twentieth century. Different approaches to national mental mapping, suggesting and revising boundaries with analogous national territories of other national groups (first of all, Poles and Lithuanians), were developed within the rising nationalist movement. The author reconstructs the most influential discursive practices of Belarusian nationalism by looking into political documents as well as the few national Belarusian periodicals

existing at the time, belles lettres, and educational materials. Targeting the broad Belarusian public (first of all, peasantry), these literatures collectively pursued the goal of their nationalization. Intertextual analysis allows the author to discuss the rival projects of the territorialization of Belarus (including the supranational idea of restoring the ancient Grand Duchy of Lithuania as a commonwealth of Belarusians, Lithuanians, and other nationalities); various criteria of identifying belonging to a nation, with language becoming the primary factor; and the political implications of different versions of the Belarusianization of territory.

BIBLIOGRAPHY

- A- nak. Jeszcze – chto Bielarus // Bielarus. 1914. No. 11-12. P. 2.
- Ab Belarusi // Belaruskii kaliandar “Nashae Nivy” na 1912 god. Vilnius, 1912. Pp. 36-37.
- Ab Belarusi // Belaruskii kaliandar “Nashae Nivy” na 1913 god. Vilnius, 1913. Pp. 38-39.
- Ab Belarusi // Belaruskii kaliandar “Nashae Nivy” na 1914 god. Vilnius, 1914. Pp. 36-37.
- Ab uniwersyteci u Wilni // Nasha Niva. 1908. No. 9. P. 4.
- B. L. Z Kowieńszczyzny // Bielarus. 1914. No. 23. Pp. 4-5.
- Bely, Ales. Chronika Belaj Rusi: Imagalogia Belarusi XII–XVIII st. Smolensk, 2013.
- Bich. M. V, S. S. Rudovich. Belarskaia sacyalistychnaia gramada // Encyklopedyia gistoryi Belarusi. Vol. 1. Minsk, 1993.
- Bogdanovich, Maksim. Pagonia. Minsk, 2011.
- Bohn, T. H. Hiesige und Wisente. Die Beloweschskaja Puschtsha als polnischer und weissrussischer Erinnerungsort // Bunte Flecken in Weissrussland. Erinnerungsorte zwishen polnish-litauisher Union und russich-sowjetischen Imperium / Hrsg. T. H. Bohn, K. Einax, J. Mühlbauer. Wiesbaden, 2013. Pp. 37-45.
- Bulba, A. Kol’ki slou ab dziavochai aparatcy na Belarusi. Vilnius, 1911.
- Bulgakov, Valerij. Istorია belorusskogo nacionalizma, Vilnius, 2006.
- Cikhamirau, Andrei. “Vilenskoe pytanne” u mizhnarodnykh adnosinakh 1918–1920 gg. // Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. 2002. No. 3. Pp. 37-45.
- Ciotka [Pashkevich Alaiza]. Vybranyia tvory. Minsk, 2001.
- Dovnar-Zapolskij, Mitrofan. Belorusskoe proshloe (Minskii listok, 1888) (Po povodu statei A. Pypina, pomeshchionnykh v “Vestnike Evropy” pro-

shlogo goda) // *Homo historicus* 2008. Gadavik antrapalagichnai gistoryi. Vilnius, 2008.

Etnagrafichnaja karta Belarusi // *Nasha Niva*. 1915. No. 11. P. 1.

Gadaušhchuna, Marienisa // *Nasha Niva*. 1913. No. 7. P. 3.

Grokh, Miroslav. Nacyi iak pradukt sacyial`naj kamunikacyi? (da pablemy paraunanania cheshskai i belaruskai “madelei” nacyianal`naga Adradzheninnia) // *Gistarychny almanakh*. 2006. Vol. 12. Pp. 5-21.

Horad Wilnia // *Nasha Niva*. 1909. No. 13/14. P. 1.

Iš Lietuvos inteligentų susivažiavimų nutarimų. Lietuvos atstovų susirinkimas Vilniuje // *Varpas*. 1905. No. 7-8. P. 73.

Karev, D. V. Belorusskaia i ukrainskaia istoriografia kontsa XVIII – nachala 20-kh gg. XX v.: v protsesse genezisa i razvitia natsionalnogo istoricheskogo soznania belorussov i ukraintsev. Vilnius, 2007.

Karskii, Efimij. Belorussy. Vvedenie k izucheniu iazyka i narodnoi slovesnosti. Vilnius, 1904.

Kauka, A. Belaruskii nacyianal`na-vyzvalenchy rukh // *Encyklopedyia gistoryi Belarusi*. Vol. 1. Minsk, 1993.

Kazakevich, A., A. Asadchy. Pachac pisac pa-belaruku: regional`ny i sacyal`ny sklad belaruskaga adradzhennia, kanec XIX – pachatak XX stagoddzia // *Palitychnaia sfera*. 2011. No. 16-17.

Kazlou, L., A. Citou. Belarus` na siami rubiazhach. Minsk, 1993.

Khomich, Sergei. Territoria i gosudarstvennye granitsy Belarusi v XX veke: ot nezavershennoi etnicheskoi samoidentifikatsii i vneshnepoliticheskogo proizvola k sovremennomu. Minsk, 2011.

Klonowicz, R. Nowaja pucina // *Bielarus*. 1914. No. 6. P. 2.

Kolas, Jakub. Neman // *Drugoje chytanne dlia dziacei belarusau*. St. Petersburg, 1909. P. 13.

Konferencya partij socyalistycznych i revoliucyjnych państwa rosyjskiego. Deklaracya PPS i BSH (W sprawie deklaracyj polit I) // *Przedświt*. 1905. No. 4-5. P. 176.

Krutalevich, V. A. Istoria Belarusi: stanovlenie natsionalnoi derzhavnosti (1917–1920 gg.). Minsk, 1999.

Kupala, J. Jak spytaucca nas // J. Kupala. *Shliakham zhyccia*. St. Petersburg, 1912. P. 47.

— *Pesnia a pesniakh* // J. Kupala. *Zhaleika*. St. Petersburg, 1908. P. 42.

Ladyseu, U., P. Brygadzin. Pamizh Uskhodam i Zakhadam: stanaulenne dziazhaunasci i terytaryial`nai celanasci Belarusi. Minsk, 2003.

Lapinskienė, A., A. Maldzis. Lietuvių-baltarusių literatūriniai ryšiai. Vilnius, 1989. Pp. 68-69.

Lastouski, Vaclau. IV litoŭskaja wystaŭka ŭ Wilni // *Nasha Niva*. 1910. No. 12. P. 189.

— Goradnia // *Nasha Niva*. 1915. No. 19-20. P. 20.

— Jakoga my rodu-plemeni // *Luchynka*. 1914. No. 2. Pp. 11-13.

— Nashy garady. Vilnia // *Nasha Niva*. 1915. No. 27. P. 3.

— Vybranyia tvory. Minsk, 1997.

Liakhouski, Ulaudzimir. Shkolnaia adukacyia u Belarusi padchas nia-meckai akupacyi (1915–1918 g.). Vilnius, 2010.

Liavicki, Anton. Listy z drohi // *Nasha Niva*. 1910. No. 27. P. 404.

Lindner, R. Gistoryki i ulada nacyiatvorchy pracis i gistorychnaia palityka u Belarusi XIX–XX st. St. Petersburg, 2003.

Litoŭskaja wioska // *Nasha Niva*. 1911. No. 31-32. P. 392.

Litoŭskije hazety // *Nasha Niva*. 1908. No. 19. P. 5.

Litoŭskije hazety // *Nasha Niva*. 1908. No. 20. P. 5.

Litwinka u swajej nacionalnaj apratce // *Nasha Niva*. 1909. No. 13-14. P. 192.

Luckevich, Anton. Naŭy pieresialency u Sybiry // *Nasha Niva*. 1911. No. 35. Pp. 451-452.

— Ŗkoly i hramatnaŭ u Bielarusi // *Nasha Niva*. 1911. No. 35. Pp. 435-436.

— U ŭym bahaŭcie naŭaho kraju // *Nasha Niva*. 1911. No. 2. P. 21.

— Belorussy // *Formy natsionalnogo dvizhenia v sovremennykh gosudarstvakh. Avstro-Vengria, Rossia, Germania*. St. Petersburg, 1913. Pp. 385-386.

— Palitychnyia lozungi belaruskaga rukhu // *Zbornik “Nasha Niva”*. Vilnius, 1920.

— Za dvadcaŭ` piac gadou. Uspaminy ab pracy pershykh belaruskikh palitychnykh arganizacyiakh: Belarускаia revaliuciyania gramada, Belarускаia sacyialistychnaia gramada. Vilnius, 1928.

Mark, R. A. Die nationale Bewegung der Weissrussen im 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd. 42. H. 4. Pp. 493-509.

— Eine verspätete Nation? Anfänge weissrussischer Identitätsfindung im ausgehenden Zarenreich // *Ein weisser Fleck in Europa... Die Imagination der Belarus als Kontaktzone zwischen Ost und West*. Bielefeld, 2011. Pp. 139-150.

Mazec, V. Gramadzianstva i mezhy BNR // *Bialoruskie zeszyty historyczne*. 2001. No. 15. Pp. 96-100.

Medišauskienė, Zita. Adomas Honorijus Kirkoras: tarp Lietuvos, Lenki-

jos ir Baltarusijos // Lietuvių atgimimo istorijos studijos. T. 8: Asmuo tarp tautos ir valstybės. Vilnius, 1996. Pp. 168-193.

— Gyventojų skaičius ir struktūra. Demografiniai pokyčiai, Lietuvos istorija. T. VII. I dalis. Devynioliktas amžius: visuomenė ir valdžia. Vilnius, 2011.

Merkys, Vytautas. Tautiniai santykiai Vilniaus vyskupijoje 1798–1918 m. Vilnius, 2006.

Michaluk, Dorota. Baltarusiai-socialistai revoliucionieriai – baltarusių tautinio judėjimo šaknys // *Acta humanitarica universitatis Saulensis. Mokslu darbai*. 2011. T. 12 [Nuo atgimimo iki valstybingumo: sociokultūriniai aspektai]. Šiauliai, 2011. Pp. 155-170.

— Białoruska republika ludowa 1918-1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010.

— Ad mounai miazhy da dziarzhauai: etnichnyia mapy Belarusi XIX i pachatku XX stagoddziau // *Belarus` i susedzi: gistorychnyia shliakhi, uzaemadzenne i uzaemapaulyyv*. Gomel, 2006. Pp. 74-89.

Miknys, Rimantas. Vilniaus autonomistai ir jų 1904-1905 m. Lietuvos politinės autonomijos projektai // *Lietuvių atgimimo istorijos studijos*. T. 3: Lietuvos valstybės idėja (XIX a. – XX a. pradžia). Vilnius, 1994. Pp. 190-203.

Motieka, Egidijus. *Didysis Vilniaus seimas*. Vilnius, 2005.

Pan Tadeusz pa polsku napisau Adam Mickiewicz. Na bielaruskujututarku pierawiarnuu Wincuk Marcinkiewicz. St. Petersburg, 1907.

Pavlova, V. K voprosu o granicach BNR // *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*. 1999. No. 1. Pp. 77-81.

Piešnia da Matki Boskaj na miesiac maj // *Bielarus*. 1914. No. 18. P. 1.

Pragrama Belaruskai Sacyialistychnai Gramady. 1906 g. // *Gistoria Belarusi kanca XVIII – pachatku XX st. u dokumentakh i materyialakh*. Vilnius, 2007. P. 218.

Radzik, Ryszard. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Środkowo-Wschodniej XIX stulecia. Lublin, 2000.

Rataj. U wahoni // *Bielarus*. 1913. No. 30. P. 2.

Razskazy na belorusskom narechii // A. Latyshonok. *Nacyianal`nas`c` – Belarus*. Vilnius, 2012. P. 475.

Römer, M. O kraju naszym // *Kurjer krajowy*. 1913. No. 50. P. 1; No. 51. P. 1; No. 54. P. 1.

Rudling, Per Anders. *The Rise and the Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh, 2015.

Sacyialistychny rukh na Belarusi u proklamacyiakh 1905 godu. Minsk, 1927.

Sahm, A. Politische Konstruktionsversuche weißrussischer Identität. Zur Bedeutung des Rückgriffs auf Geschichte für die unabgeschlossene Nationsbildung // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1994. Bd. 42. H. 4. Pp. 541-561.

Shiriaev, E. Belarus: Rus Belaia, Rus Chernaia i Litva v kartakh, Minsk, 1991.

Shybecka, Z. Nacyional`naia madernizacyia 19-20 i iae asnounyia etapy // *Gistarychny almanakh*. 2002. T. 7. Pp. 48-59.

Shtykhau, G. Gistarychnaia geografia u pracakh IX–XII st. M. V. Dounar-Zapol`skaga // *Dasledchyk gistoryi trokh narodau M. V. Dounar-Zapolski (Zbornik navukovykh artykulau i dakumentau)*. Gomel and Rechyca, 2000. Pp. 206-208.

Sidarevich, A. Da gistoryi Belaruskai Sacyialistychnai Gramady: agliad krynicau // *Arche*. 2006. No. 5. Pp. 221-223.

Smalenchuk, Ales. Goradnia i garadzency 1911–1915 gg. na staronkakh “Nashai Nivy” // *Garadzenski palimpsest 2010. Dziarzhaunyia i sacyional`nyia struktury XVI–XX st.* Minsk, 2011. Pp. 407-422.

— Belaruskiiia simvaly Vilni // *Homo historicus 2009. Gadavik antropalagichnai gistoryi*. Vilnius, 2010. Pp. 327-343.

— Pamizh kraevasciu i nacyialnai ideiai. Pol`ski rukh na belaruskikh i litouskikh 1864-liuty 1917 g. St. Petersburg, 2004.

Snyder, Tymothy. *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. London, 2003.

Staliūnas, Darius. Making a National Capital out of a Multithnic City // *Ab Imperio*. 2014. Vol. 15. No. 1. Pp. 157-175.

Stankevich, Adam. *Z Bogam da Belarusi. Zbor tvorau*. Vilnius, 2008.

Stashkevich, M. Pytanne belaruskai dziarzhaunasci u pragramakh i dzeinasci palitychnyckh partyi i arganizacyi u pachatku XX st. // *Gistoria belaruskai dziarzhaunasci u kancy XVIII – pachatku XXI st.* kn. 1. Minsk, 2011. Pp. 247-248.

Tereshkovich, Pavel. *Etnicheskaia istoriia Belarusi XIX – nachala XX v: v kontekste Tsentralno-Vostochnoi Evropy*. Minsk, 2004.

Tokc, Siargei, Belarus i belorusy: formirovanie voobrazhaemogo soobshchestva // A. Kravcevich, A. Smolenchuk, S. Tokc. *Belorusy: natsiia Pogranich`ia*. Vilnius, 2011.

— Belaruskii nacyional`ny ruch XIX – pachatku XX st. u kanteckse nacyional`nych rukhau narodau Central`na-Uskhodniaj Evropy // 210

Nacyianal`nyia pyttanni. Materyialy mizhnarodnaga kangresa belarusistau “Belaruskaja kul`tura u dyialogu cyvilizacyi”. Minsk, 2001. Pp. 68-76.

— Nacyial`nyia aspekty u razvicci pachatkovoga shkol`nictva na Grodzenshchyzne u drugoj palove XIX st. – pachatku XX st. // Kul`tura Grodzenskaga regionu: prablemy razviccia va umovakh polietnichnaga sumezhza. Sbornik naukovykh prac. Grodna. 2001. Pp. 126-128.

— Prablemy peryiadyzacyi belaruskaga nacyianal`naga rukhu 19 – pachatku 20 st. // Gistarychny al`manakh. 2002. T. 7. Pp. 187-191.

— Prablemy dasledavannia procesau farmiravannia suchasnaj belaruskaj nacyi // Gistrarychny al`manach. 2001. T. 4. Pp. 58-65.

Turonak, Jury. Madernaia gistoria Belarusi. Vilnius, 2008.

Unuchak, Andrei. “Nasha Niva” i belaruskij nacyianal`ny rukh (1906–1915 gg.), Minsk, 2006.

Unuchak, Andrei. Belaruskaja nacyianal`na-dziarzhaunaia ideia u kancy XIX st. – 1917 g. // Na shliachu stanaulennia belaruskaj nacyi: gistariia-grafichnyia zdabytki i prablemy. Minsk, 2011.

— Nasha Niva i belorusskoe nacional`noe dvizhenie nachala XX v. // Acta humanitarica universitetatis Saulensis. Mokslo darbai. T. 12 (2011). Nuo atgimimo iki valstybingumo: sociokultūriniai aspektai. Šiauliai, 2011. P. 178.

Vakar, N. P. Belorussia. The Making of a Nation. Cambridge, MA, 1956.

Vazhneishye kirmashy na Belarusi // Pershy belaruskij kaliandar “Nashae Nivy” na 1910 god. Vilnius, 1910. Pp. 16-17.

Vil`nia – daunei stalichnae mesta Litvy i Belai Rusi // Nasha Niva. 1907. No. 28. P. 1.

Vilnia // Nasha Niva. 1907. No. 28. P. 1.

Vlasou, Aliaksandr. Abarot kaptaŭ ŭ Bielarusi // Nasha Niva. 1910. No. 25. P. 371.

Wasilewski, Leon. Litwa i Białoruś. Przeszłość – terażniejszość – tendencje rozwojowe, Kraków, 1912.

Wid Zamkowaj hary u Wilni // Nasha Niva. 1909. No. 24. P. 367.

Wilnia 16 (29) junia 1911 h. Ab Uniwersytecie u Wilni // Nasha Niva. 1911. No. 24. P. 306.

Ziaziulia, A. Z rodnaha zahonu. Zbornik wierszau. Vilnius, 1931.

Ziemkiewič, R. Adam Honory Kirkor. Biohrafično bibliografičny narys u 25 letniuju hadauščynu śmierci // Nasha Niva. 1911. No. 49. P. 633.